
Д. М. БУЛАНИН

**Мифологические толкования
к Словам Григория Богослова
и «Шестоднев» Иоанна Экзарха**

Предметом нашего исследования будет рукопись Синодального собрания, № 35, ныне хранящаяся в Государственном историческом музее. Первыми на нее обратили внимание А. В. Горский и К. И. Невоструев, чье «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» давно уже пора причислить к канону «священных книг» палеославистики.¹ Основную часть рукописи занимает «Шестоднев» Иоанна Экзарха, но в начале и в конце кодекса находятся листы инородного происхождения, что подчеркивается и разницей в орфографии: в то время как список «Шестоднева» — среднеболгарский, фланкирующие его листы — сербские. Несмотря на это различие, я попытаюсь доказать, что сербские вставки, точнее одна, находящаяся в начале рукописи, была присоединена к блоку сознательно и на достаточно раннем этапе его истории. Горский и Невоструев датировали рукопись XV в., А. А. Турилов отодвигает ее датировку к последней трети XIV в.² Появление кодекса в России связано с афонской экспедицией за книгами Арсения Суханова, о чем свидетельствует запись на нижнем поле первого листа «Шестоднева» (Син. 35, л. 8): «Арсений». Прежде рукопись хранилась в Павловом монастыре на Афоне, что удостоверяется записью по листам, воспроизведенной в «Описании» Горского и Невоструева: «Лета 7163-го июня в 25 день прислал сию книгу Афонские горы монастыря святого великомученика Георгия архимарит Анания з братиею». Подобная запись, с незначительными вариациями, повторяется и на некоторых других кодексах, происходящих из той же афонской обители. Из полученных тогда в Москве шестнадцати кодексов Павлова монастыря, благодаря такой записи или по иным приметам, отождествлены одиннадцать (еще пять номеров остаются неопознанными).³ Сербские вставки, обрамляющие «Шестоднев» в изучаемом кодексе, по содержанию никак друг

¹ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1857. Отд. II. Ч. 1. С. 30—34.

² См.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 291, примеч. 27 (Slavistische Beiträge. Bd. 278).

³ Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1 : Биография Арсения Суханова. С. 407—408.

с другом не связаны.⁴ Та, что находится в конце Син. 35 (л. 199—204), предлагает стандартный набор статей, приуроченных к 8 мая, дню памяти Иоанна Богослова, — посвященные апостолу похвальные слова Иоанна Златоуста (начало утрачено), Прокла, архиепископа Константинопольского, и Кирилла Александрийского.⁵ Что касается вставки в начале рукописи — на л. 1—7 (правильный порядок: 1—5, 7, 6), то там, согласно формулировке описания, читаются «отрывки из толкований на слова св. Григория Богослова», причем они дают объяснения «разных предметов, относящихся к мифологии и истории языческой». Упомянутых, добавим от себя, в двух проповедях Григория Богослова — в Слове надгробном Василию Великому (л. 1—4 об.) и в Слове на Богоявление (л. 4 об.—7 об.). Эта именно вставка на семи листах и будет начальным и конечным пунктом наших разысканий.⁶

Подбирая близкие греческие аналогии к толкованиям, Горский и Невоструев ссылаются на издания (кардинала А. Май и Ж. де Билли) так называемых «Историй» псевдо-Нонна, заметив, правда, что «не все здесь можно найти». «Истории» — это чрезвычайно популярное в Средние века собрание мифологических и исторических разъяснений к античным реминисценциям, сосредоточенным в четырех словах Григория Богослова (Два обличительных слова на Юлиана Отступника, Слово на Богоявление, Надгробное слово Василию Великому). Считается, что «Истории» были написаны в VI в. анонимом, жившим в Сирии или Палестине. Помимо греческой, известны две древние сирийские, армянская и грузинская версии памятника.⁷ Не раз предпринимавшиеся попытки отыскать следы бытования «Историй» в славянской письменности не увенчались успехом,⁸ откуда, впрочем, никак не следует, что наблюдение ученых авторов «Описания славянских рукописей» лишено оснований. Дело в том, что «Истории» активно использовались авторами позднейших толкований к гомилетическому наследию знаменитого каппадокийца, и некоторые из собранных псевдо-Нонном античных сюжетов проникли в славянскую письменность при посредничестве одного из таких толковников — Никиты Ираклийского, чья деятельность приходится на вторую половину XI—начало XII в. Впервые его имя в связи

⁴ Как мне любезно указали Ю. А. Грибов и А. А. Турилов (за что их искренне благодарю), сербские вставки в начале и в конце конволюта написаны отличными друг от друга почерками. По мнению Турилова, вставки играют в кодексе роль защитных листов, что, на мой взгляд, не обязательно исключает возможность осмысленного выбора книжником таких листов для начальной вставки, которые бы коррелировали с содержанием основного блока (т. е. с «Шестодневом»).

⁵ Перечень южнославянских рукописей с аналогичным набором чтений см.: *Иванова К. Bibliotheca hagiographica balcano-slavica*. София, 2008. С. 528—531 (№ 6, 2, 9).

⁶ При сверке текстов, которыми я в дальнейшем оперирую, неоценимую помощь мне оказала Т. Л. Вилкул.

⁷ Новейшее научное издание «Историй» см.: *Pseudo-Nonniani in IV orationes Gregorii Nazianzeni commentarii, collationibus versionum syriacarum a S. Brock versionisque armeniacae a B. Coulie / Ed. J. Nimmo-Smith*. Turnhout, 1992 (Corpus Christianorum. Series graeca. Vol. 27. Corpus Nazianzenum. Vol. 2).

⁸ *Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески. III : К спорам о славянском переводе «Историй» псевдо-Нонна // Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. : (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 459—481.*

с обсуждением состава рукописи Син. 35, начальных ее листов, назвал румынский исследователь Р. Константиnescу, книга которого имеет большое значение, тем более что в полном объеме греческий оригинал комментариев Никиты Ираклийского к словам Григория Богослова до сих пор не издан.⁹ Однако же в соответствующем разделе своей книги ученый тут же обращается к другой части нашего кодекса — к «Шестодневу» и, увлекшись рассказом об обломках классической науки и литературы в переводных и компилятивных «Шестодневах» (Иоанна Экзарха и Севериана Гавальского), случайно или намеренно — но будто забывает о начальных листах Синодальной рукописи.¹⁰ Впрочем, независимо от собственных суждений румынского ученого по поводу Син. 35, его работа представляет для нас безусловную ценность, поскольку изданные им фрагменты из толкований Никиты Ираклийского, в том числе с учетом материала, находящегося на л. 1—7 нашей рукописи, как увидим, помогают правильной интерпретации этих текстов.

Литература о Синодальном кодексе, точнее о его первых листах, не исчерпывается сказанным. Анализируя в книге 1991 г. отражение в древних славянских литературах мифологических сюжетов из слов Григория Богослова и из сопровождающих их толкований, автор этих строк невольно способствовал некоторой неразберихе в понимании комментариев, которыми начинается Син. 35. Именно: имея об этих комментариях лишь приблизительное представление, во-первых, и зная о редкой книге Константиnescу только по библиографии, во-вторых, я положился на выводы Горского и Невоструева, которые сопоставили часть мифологических сюжетов в Син. 35 (тех, что читаются на л. 4 об.—7 об.) со сходными мифологическими рассказами в другой сербской рукописи первой четверти XV в. ГИМ, Синодальное собр., № 307, л. 415 об.—419 (заголовок: «Сказание о скверных бозех еллинских»). Констатируя отличие тех и других рассказов от бытовавших в древнерусской письменности мифологических толкований к словам Григория Богослова (выборочного перевода толкований Никиты Ираклийского), я пришел к не совсем корректному заключению, будто речь идет о тождественных текстах, сохранившихся в одной и в другой рукописи с разной степенью полноты. Их предложено было называть «особыми» толкованиями, хотя и отмечалась связь их как с «Историями» псевдо-Нонна, так и с испытанными воздействием «Историй» толкованиями Никиты Ираклийского. В сущности, через наименование толкований «особыми» решение вопроса об их происхождении было отложено на будущее.¹¹ Отсутствие ясного представления о генезисе «особых» толкований отразилось в серии работ Н. И. Зубова, начиная с его неопубликованной диссертации (доступна

⁹ *Nichita din Heracleea*. Comentarii la cele 16 cuvîntări ale lui Grigore din Nazianz. Fragmente / Ed., trad. și com. R. Constantinescu. București, 1977. P. 25—30.

¹⁰ Замечу, что еще до выхода в свет книги о толкованиях Никиты Ираклийского Син. 35 возбудила интерес румынских ученых, потому что в записи на последнем листе рукописи упоминается Валашский воевода Мирча. См.: *Turdeanu E.* Un manuscris religios din timpul lui Mircea cel Bătrîn // *Ființa Românească*. 1968. Vol. 7. P. 57—68; *Constantinescu R.* Manuscrisele slavo-romane ale vechii Bibliotecii Sinodale din Moscova // *Studii : Revista de istorie*. 1971. Vol. 24. P. 1029—1033.

¹¹ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 159—161.

на странице автора в ресурсе academia.edu), где *in extenso* воспроизведены как толкования из Син. 35, так и «Сказание о скверных бозех еллинских». ¹² К этим двум текстам ученый добавил третий — фрагмент из сербской рукописи XV в. собрания В. И. Григоровича, № 1/111, л. 68—76 (правильный порядок: 69—74, 68, 75, 76), хранящейся в Одесской государственной научной библиотеке им. М. Горького. ¹³ Фрагмент механически обрывается в начале и в конце, однако же в сохранившейся части представляет собой мифологические толкования к одному из слов Григория Богослова (Слову на Богоявление), толкования, которые в доступной для сравнения части почти дословно совпадают с соответствующим отрезком текста в Син. 35. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Зубова. ¹⁴ И все-таки он твердо держится за мой тезис, будто Син. 35 и Григ. 1/111, с одной стороны, и «Сказание», с другой стороны, дают варианты того же самого памятника, который я назвал «особыми» толкованиями.

Мне кажется, что по крайней мере в отношении «Сказания о скверных бозех еллинских» бóльшая ясность внесена в моих новейших заметках об отражении «Историй» псевдо-Нонна в славянской письменности, а в приложении к этим заметкам дана и публикация самого «Сказания». ¹⁵ Кстати, теперь отыскался второй, тоже сербский, список памятника, причем тут он находится в окружении, сходном с окружением статьи в Син. 307, — среди дополнений к сборнику канонического содержания (Зографский монастырь, I.v.2). Данное произведение роднит с толкованиями в Син. 35 (соответственно и с Григ. 1/111) преимущественно то обстоятельство, что они оба являются репликами на один и тот же памятник патристической литературы — Слово Григория Богослова на Богоявление — и оба опираются на толкования к этому Слову Никиты Иракийского. Повышенное внимание к Слову на Богоявление имеет свои причины. Дело в том, что названное произведение считалось в древности своеобразным эталоном при обличении языческих суеверий и в числе прочего было уже использовано в Древней Руси для искоренения местного славянского пантеона богов и божков. Имею в виду известное «Слово святого Григорья изобретено в тольцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят», которое принято датировать первыми столетиями после Крещения Руси. Полемические цели преследовал и составитель обсуждаемого сейчас «Сказания», ограничившийся, правда, инвективами в адрес

¹² Зубов М. И. Слов'янські повчання проти язичництва в лінгво-текстологічному висвітленні. Дис. ... докт. філол. наук. Одеса, 2005. С. 433—454. Рукопись.

¹³ Издание фрагмента см.: Зубов М. И. Одеський список середньовічних рукописних коментарів до Слів Григорія Богослова // Слов'янський збірник : Збірник наукових праць. Одеса, 2006. Вип. 12. С. 33—46. Ср. другие работы Зубова, посвященные этому списку: Зубов Н. И. 1) Текстологические замечания к Одесскому списку переводных комментариев к Словам Григория Богослова // Вісник Одеського національного ун-ту. 2007. Т. 12. Вип. 3 : Філологія : Мовознавство. С. 56—63; 2) Одесский рукописный список сербской редакции переводных комментариев Никиты Иракийского к Словам Григория Богослова // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : Мат-лы Междунар. науч. конф. 26—28 ноября 2013 г. М., 2013. С. 118—121.

¹⁴ Зубов Н. И. Текстологические замечания... С. 60.

¹⁵ Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески. III : К спорам... С. 478—481.

тех только античных культов, которые упоминает Григорий Богослов. Кроме того, в отличие от «Слова святого Григорья» он имел возможность консультироваться по комментариям Никиты Ираклийского, благодаря чему избежал невероятной путаницы в именах языческих божеств, которая характеризует «Слово святого Григорья». Сравнение текстов убеждает, что составитель «Сказания» не пользовался маловразумительным переводом толкований Никиты Ираклийского к Слову Григория Богослова на Богоявление, который переписывался в Древней Руси, — ни в старшей, ни в младшей версиях данного перевода (об этих версиях скажем позже). Напротив, не пренебрегая новейшим южнославянским переводом толкований Никиты (на это указывают разночтения, их тоже дадим на своем месте), о котором речь впереди, иногда, быть может, самостоятельно обращаясь к греческому оригиналу этих толкований, автор «Сказания» предпочитал свободно пересказывать свой источник. Делая акцент именно на полемическом пафосе произведения, мы в силах объяснить, почему славянские книжники решились составить «Сказание» как эмансипировавшийся (от сборника, включающего определенный набор слов Григория Богослова) экстракт из толкований Никиты Ираклийского, а также почему оно попало на страницы канонического сборника — в тот раздел письменности, который во все времена связывался с регламентацией церковной жизни и нравов паствы.

Итак, ясно, что ни о каких «особых» толкованиях применительно к «Сказанию» говорить не приходится. Не вполне уместно это определение и в отношении комментариев, читающихся на начальных листах Син. 35. Обратившись к публикации в книге Константину греческого оригинала толкований Никиты Ираклийского — тех фрагментов памятника, которые касаются античных сюжетов, убеждаемся, что тексты, находящиеся на л. 1—7, с незначительными отклонениями воспроизводят именно эти толкования. С другой стороны, разительные отличия того, что находится в начале Син. 35, от перевода соответствующих разделов в толкованиях Никиты Ираклийского, обращавшихся в древнерусской письменности (как в старшей, так и в младшей версиях), подводят к мысли, что на этих начальных листах запечатлелся один из этапов работы южнославянских книжников XIV в. над литургическим сборником слов Григория Богослова (о композиции такого сборника и сопровождающих его экзегетических наслоениях см. ниже). Причем запечатлелся этап, который в рукописной традиции восточных славян прошел отчасти незамеченным. Ясно, следовательно, что вопрос о генезисе занимающего нас текста из Син. 35 надлежит обсуждать прежде всего в рамках южнославянской письменности. При написании заметок об «Историях» псевдо-Нонна мне представлялись равновеликими две схемы, которые могли бы объяснить происхождение фрагментов, уцелевших в начале рукописи с «Шестодневом». Либо перед нами остаток архива древнего переводчика — материал, по которому он собирался дополнить существовавшие в славянской письменности сокращенные переводы толкований Никиты Ираклийского, либо труды какого-то любознательного книжника, который выбирал из толкований к двум словам литургического сборника по преимуществу разделы, касающиеся античной древности. Сейчас, если не считать сомнительной идеи о «любознатель-

ности» средневекового начетчика, я с уверенностью отдаю предпочтение второй схеме.

Прежде чем изложить свои аргументы, необходимо в нескольких словах рассказать о рецепции сочинений Григория Богослова славянской письменностью, каким этот процесс рисуется современной наукой. Не менее важно сообщить о том звене в истории рецепции, которое осталось незамеченным нашими предшественниками и которое позволяет по-новому взглянуть на тексты, оказавшиеся на л. 1—7 кодекса Син. 35. Говоря о древнейших переводах гомилий великого христианского оратора, мы неизбежно возвращаемся к «Описанию» Горского и Невоструева, к находящимся там, как всегда поразительно метким, наблюдениям. «Каноническое» значение этого монументального историко-филологического труда находит, как видим, очередное подтверждение.¹⁶ Ученые археографы принимают как доказанное утвердившееся уже в их эпоху мнение, что первый опыт освоения гомилетического наследия Григория Богослова сохранился в рукописи XI в. РНБ, Q.п.I.16. Считается, что данный список со следами глаголического оригинала воспроизводит болгарский перевод, сделанный не позднее начала X в. Список включает тринадцать слов проповедника из Назианза, набор которых не находит аналогий в греческой традиции (условно «первая» редакция). По-видимому, к тем же примерно годам, что и перевод слов из первого сборника, относится славянский перевод совсем другого собрания гомилий Григория Богослова (условно «вторая» редакция). Это шестнадцать слов, назначенных уставом для чтения в церкви, а потому получивших название «читаемых» (οἱ ἀναγινωσκόμενοι λόγοι). «Читаемые» слова переводились с учетом первого опыта постольку, поскольку восемь слов в двух сборниках были общими. Сравнение показывает, что перевод трех слов остался почти без изменений, три были более или менее существенно отредактированы, а два, по-видимому, вообще переведены заново. Собрание «читаемых» слов дошло до нас в восточнославянских списках не ранее XIV в., причем уже обремененное переводом толкований Никиты Ираклийского, который был выполнен отдельно и существенно позднее, нежели перевод объясняемого текста святого отца. Впрочем, следы этого перевода отыскиваются в памятниках русской письменности начиная с XII в.¹⁷ Еще Горский и Невоструев заметили, что толкования переводились не полностью, а выборочно, и что перевод их более ясный, нежели перевод самих слов. Позднее было высказано предположение, что толкования относятся к числу восточнославянских переводов. Также некоторые специалисты предполагают, что сначала они существовали отдельно от толкуемых слов, как то имеет место в списке ГИМ, собр. Чудова мон., № 11, и лишь потом были распределены по тексту гомилий, которые для этого разбили на

¹⁶ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. II. Ч. 2. С. 68—111.

¹⁷ Следы эти анализировались многократно, последний опыт см.: Бруни А. М. К сопоставительному изучению византийской и древнейшей славянской традиций толкований Никиты Ираклийского к словам Григория Богослова // Палеография, кодикология, дипломатика : Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Мат-лы Междунар. науч. конф. в честь 75-летия Б. Л. Фонкича. Москва, 27—28 февраля 2013 г. М., 2013. С. 29—42.

относительно короткие отделения. Ни то ни другое предположения не могут быть строго доказаны: обособление восточнославянских переводов (от инославянских), на мой взгляд, вообще представляет собой операцию небесспорной научной ценности, а изоляция и, напротив, соединение гомилий Григория Богослова и толкований к ним — две процедуры, многократно производившиеся в истории сборника «читаемых» слов; они не могут служить маркировочным знаком определенной редакции. В древнейших списках последовательность «читаемых» слов лишена какой бы то ни было логики, позднее, как заметили Горский и Невоструев, их приурочивают к церковному календарю, ведя отсчет от Рождества или чаще всего от Пасхи. А. Бруни называет эти структуры соответственно «некалендарной», «рождественской» и «пасхальной» аколуфиями.¹⁸ С первого и второго слов на Пасху начинается «третья» редакция сборника «читаемых» слов, которая, по Горскому и Невоструеву, представляет собой переработанную и дополненную (последнее относится только к толкованиям) «вторую». Обновление, которому подверглись гомилии Григория Богослова, коснулось шестнадцати проповедей, составляющих литургический сборник, крайне неравномерно. Горский и Невоструев, приведя пример радикальной замены одного текста другим, одновременно отметили, что в последних словах сборника вторжения в старый перевод не столь ощутимы. Сказать правду, зачастую вообще нелегко решить, где идет речь о переработке, а где о совершенно новом переводе. Как бы то ни было, в «Описании» Горского и Невоструева решительно отмечено, что переработке был подвергнут и текст гомилий, и толкования к ним, которые распространили (относительно сокращенного варианта перевода во «второй» редакции) сообразно греческому оригиналу; перевели и предисловия, написанные Никитой Ираклийским к речам знаменитого оратора, входящим в сборник шестнадцати слов. Перевод самих гомилий тоже сверялся с греческим (или — в некоторых разделах — переводился заново). Авторы «Описания» нашли в «третьей» редакции признаки ее сербского происхождения. Ее датируют XIV в., при этом не исключают, что возникновение этой редакции совершилось в результате нескольких заходов и что работа над ней началась в Болгарии (см. серию статей М. Спасовой¹⁹). Бруни предложил называть «вторую» и «третью» редакции, которые частично являются новыми переводами, Slav. 1 и Slav. 2.²⁰

Приходится признать, что прогресс, достигнутый со времен Горского и Невоструева в осмыслении судеб славянского Григория Богослова, не слишком впечатляет.²¹ С незначительными дополнениями и поправками схема, предложенная в «Описании», принимается всеми и сейчас. Некото-

¹⁸ Бруни А. М. *Theologos* : Древнеславянские кодексы слов Григория Назианзина и их византийские прототипы. М.; СПб., 2004. С. 130—191 (Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 6).

¹⁹ Основные ее работы по теме перечислены в кн.: 16 слов на св. Григорий Богослов : (Фототипно издание на ръкопис НБКМ 674) / Изд. подгот. М. Спасова. София, 2014. С. 619.

²⁰ Бруни А. М. *Theologos*. С. 126.

²¹ Относительно полную библиографию новейших работ о славянской рецепции слов Григория Богослова см.: Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. С. 132—141.

рые свежие идеи по поводу ранних стадий в освоении слов христианского классика остаются пока гипотезами и едва ли смогут в обозримом будущем изменить свою модальность. Таково предположение об обратной последовательности возникновения «первой» и «второй» редакций сборника слов: поскольку обе редакции датируются (если, конечно, не принимать в расчет толкования) одним примерно временем — «золотым веком» болгарской литературы и локализируются в одном месте, нет противопоказаний для того, чтобы считать исходным перевод сборника шестнадцати слов, из которого восемь (в том числе переделанные или переведенные заново) перекочевали в уникальный по составу сборник тринадцати слов.²² К сожалению, доказать средствами текстологии первичность одного сборника и вторичность другого едва ли возможно, потому что тот, кто работал вторым (кем бы он ни был), несомненно вдругорядь сверялся с греческим оригиналом, лишая при этом нынешнего исследователя возможности установить вертикальное развитие текста через поиск общих ошибок. Между тем, специалисты отыскивают новые и новые свидетельства того, что «первая» редакция перевода (сборник тринадцати слов в болгарском архетипе, а потом и сам список XI в.) активно использовалась славянскими книжниками старших поколений. Помимо того что именно ее следы обнаруживаются на ранних этапах развития двух сборников, которые в русской письменности первого столетия запечатлелись в значительно модифицированной форме как Изборник 1073 г. и Изборник 1076 г.,²³ «нечитаемое» Слово об удалении в Понт (пятое в «первой» редакции) в серии списков «второй» редакции помещено в конце сборника шестнадцати слов в качестве сверхнормативного дополнения.²⁴ Кроме того, использованное в протографе Изборника 1073 г. в виде фрагментов Слово на Крещение в варианте «первой» редакции в этой же самой редакции целиком представлено в Великих Минеях Четиих под 6 января.²⁵ Любопытным указанием на долгожительство «первой» редакции является обнаруженная А. М. Молдованом серия совпадающих чтений в сборнике тринадцати слов, с одной стороны, и толкованиях Никиты Ираклийского согласно «второй» редакции (в цитатах экзегета из гомилий Григория Богослова), с другой стороны. Найденные ученым совпадения противостоят чтениям в самих гомилиях по переводу их во «второй» редакции.²⁶ Поскольку и в этом случае переводчик работал с греческим оригиналом, от-

²² Молдован А. М. О составе сборника 13 слов Григория Богослова // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012—2013 гг.). М., 2013. С. 5—15; Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески : II : Еще раз о выдержках из сочинений Григория Богослова в Изборнике 1073 г. // Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. С. 449—458.

²³ Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески : II. С. 449—458.

²⁴ Бруни А. М. Theologos. С. 54, примеч. 43; Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески : II. С. 458, примеч. 2.

²⁵ Бруни А. Византийская традиция и старославянский перевод слов Григория Назианзина. М., 2010. Т. 1. С. 121, примеч. 11 (Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 9).

²⁶ Молдован А. М. К текстологии 16 Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского // XV Международный съезд славистов (Минск, 20—27 августа 2013 г.). Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики : Доклады российской делегации. М., 2013. С. 207—228.

делить первичные варианты от вторичных и восстановить на этом основании очередность возникновения редакций не представляется возможным. Есть и другие любопытные факты, разрушающие долго державшееся представление об изолированности «первой» редакции. Особенно важно, что следы ее бытования обнаружены в недавно изданном среднеболгарском памятнике (см. примеч. 19): как установил Бруни, в рукопись Первослава XIV в. (Народная библиотека «Св. св. Кирил и Методий» в Софии, № 674), уникальной по произведенному в ней смешению чтений разных редакций, из «первой» редакции перешли два слова — Надгробное Василию Великому и на Рождество Христово.²⁷

Что еще можно записать в актив современным исследователям, если брать за точку отсчета умозаключения Горского и Невоструева? Стоит, наверное, выделить опыт воссоздания истории текстов, сопровождающих «третью» редакцию перевода в русских списках, издание предисловий Никиты Ираклийского к сборнику «читаемых» слов, наконец, факсимильное воспроизведение упомянутой рукописи Первослава.²⁸ Но, пожалуй, главным достижением современной науки следует признать составленный Бруни и претендующий на относительную полноту инвентарь южнославянских и восточнославянских списков, содержащих сборник шестнадцати слов, — как в сопровождении толкований Никиты Ираклийского, так и без них. Кроме того, в своем инвентаре составитель классифицирует списки по особенностям их структуры и по языковому изводу.²⁹ Как мы сейчас убедимся, эта классификация помогает выявить пропущенное в историографии звено в истории восприятия славянами гомилетического наследия великого кашпадокийца. Объективности ради стоит заметить, что историография, накопившаяся со времен «Описания» Горского и Невоструева и касающаяся рецепции слов Григория Богослова, знает не только приобретения, но и потери. По крайней мере на уровне методологии. В частности, мне представляется невозможным сравнивать текст гомилий в разных редакциях, отвлекаясь от сопровождающих их толкований. Как мы видели, судьба тех и других тесно переплетена. Также, на мой взгляд, неверно экстраполировать текстологические особенности греческой традиции сочинений Григория Богослова на славянский материал. В частности, опираясь на новейшие исследования этой традиции,³⁰ Бруни декларирует, что развитие текста отдельно взятой гомилии не зависит от типологии византийских сборников, комплектовавшихся из сочинений Григория Богослова.³¹ Отсюда однако не следует, что аналогичным образом обстояло дело в славянской письменности. Ибо она была много менее динамична, нежели современная ей грекоязычная, и применительно к отечественной древности сходство состава каких-либо

²⁷ Бруни А. Византийская традиция... С. 120, примеч. 10, 121, примеч. 12.

²⁸ Буланина Т. В. Первое в славянских литературах определение искусства ратора и трех родов красноречия // Старобългарска литература. София, 1987. Кн. 20. С. 95—111; Бруни А. М. Theologos. С. 206—230; 16 слова на св. Григорий Богослов. София, 2014.

²⁹ Бруни А. М. Theologos. С. 130—191.

³⁰ Важнейшим трудом Бруни признает кн.: Somers V. Histoire des collections complètes des Discours de Gregoire de Nazianze. Louvain-la-Neuve, 1997 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. Vol. 48).

³¹ Бруни А. Византийская традиция... С. 22, 72—73.

сборников в огромном большинстве случаев (конечно, не всегда!) означает сходство их по содержанию. Презумпция изолированного движения каждого слова лишает исследователя важного дополнительного критерия (разумею здесь специфическую структуру сборника, в котором находится отдельно взятый текст), помогающего отделить первичные чтения от вторичных. На счастье, в начатом ученым очень солидном издании, долженствующем представить древнейший корпус славянских переводов христианского оратора, т. е. двадцать одно слово (в первой книге напечатано четыре слова), публикатор, вопреки собственной декларации, не пренебрегает, выстраивая иерархию списков, макротекстологическими признаками, из которых главный — композиция привлеченных к коллажи кодексов.

Итак, самым полезным из новейших достижений в разработке предмета я признаю инвентаризацию списков литургического сборника шестнадцати слов и предварительную их классификацию в книге Бруни 2004 г. Просматривая его каталог списков, мы неизбежно обратим внимание на то, как часто в рукописной традиции сборник шестнадцати слов делили на две книги или на две отличные одна от другой части — по восемь гомилий в каждой; иногда — относительно редко — деление было асимметричным. Сюда относятся и двухтомные собрания, и такие однотомные, в которых первые восемь слов представлены в «третьей» редакции, а последние восемь слов — во «второй», и те, в которых толкования даны только к первой половине литургического сборника; сопроводительные статьи сборника, случается, тоже переносятся в конец восьмого слова, сигнализируя о проходящей здесь линии отсечения. Любопытно, что, по данным Бруни, подобной практики делить памятник на две части не знает византийская традиция.³² Когда-то я высказал предположение, что наличие шва, разделяющего сборник шестнадцати слов пополам, указывает на самостоятельную судьбу каждой из половин.³³ Сейчас появилась возможность подкрепить это давнее предположение данными конкретных текстов. Начнем со следующего наблюдения: заглянув еще раз в каталог Бруни, мы убедимся, что, во-первых, тенденция к разделению особенно настойчиво прослеживается в восточнославянской письменности,³⁴ во-вторых, насколько позволяют судить сохранившиеся списки, она возникает только после создания «третьей» редакции перевода, в-третьих, она характерна только для списков сборника с «пасхальной аколуфией». Все это — отнюдь не случайные совпадения.

Хотя любые суждения о толкованиях Никиты Ираклийского носят, до издания их греческого оригинала, по необходимости предварительный ха-

³² Бруни А. М. *Theologos*. С. 175.

³³ Буланин Д. М. *Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты*. Л., 1984. С. 36.

³⁴ Есть, впрочем, и два исключения. Это молдавская рукопись 1511 г. РГБ, собр. Егорова, № 852, содержащая первые восемь слов собрания и колофон на последнем листе (Бруни А. М. *Theologos*. С. 167—168). Не является ли в данном случае деление памятника на две части (рукопись 1511 г. дает первую из них) откликом на сложившуюся уже восточнославянскую практику? То же можно повторить в качестве гипотезы о сербской рукописи XVI в. из библиотеки Рильского монастыря, № 4/4 (1), также содержащей лишь первые восемь слов собрания.

ракти, сверка текстов убеждает, что перевод толкований в «третьей» редакции совпадает в южнославянской и восточнославянской письменности только в пределах первой половины сборника шестнадцати слов — в комментариях к словам 1—8. Применительно ко второй половине литургического сборника (слова 9—16), «третья» редакция перевода существует в двух разных воплощениях — южнославянском и восточнославянском. Договоримся о следующем: в дальнейшем я называю сборники шестнадцати слов со словами 9—16 в южнославянском воплощении, а также южнославянские кодексы с первой половиной сборника, то есть в объеме, где «третья» редакция южнославянского и «третья» редакция восточнославянского воплощения толкований почти тождественны, «третьей южнославянской редакцией». Соответственно, сборники с «третьей» редакцией толкований в восточнославянских списках, независимо от полноты этих списков (в том числе слова 1—8 и 9—16 в виде отдельных кодексов), я называю «третьей восточнославянской редакцией». Неразличение тех и других является ощутимым пробелом в предшествующей историографии, который отчасти объясняется наличной археографической базой: полных списков «третьей южнославянской редакции» немного, имеющиеся списки в большинстве своем труднодоступны или дефектны (в том числе представлены кодексами со словами 1—8, в которых «третья южнославянская редакция», за вычетом малоприметных нюансов, совпадает с «третьей восточнославянской редакцией»). С большей или меньшей уверенностью я отношу к «третьей южнославянской редакции» следующие рукописи с литургическим собранием, которые почти все перечислены Бруни в разделе VIII его книги («Литургическая коллекция с толкованиями (аколуфия пасхальная)») — в рубрике, посвященной кодексам с сербской орфографией. При этом резкое отличие южнославянской от восточнославянской редакции толкований в пределах слов 9—16, кажется, осталось незамеченным исследователем. Во всяком случае оно не объявлено эксплицитно.³⁵ Все рукописи датируются XIV или началом XV в. (к XVI в. относятся только рукописи РГБ, собр. Егорова, № 852, и библиотеки Рильского монастыря, № 4/4 (1)); указывать более точную датировку не вижу смысла, потому что ни одна из рукописей не была освидетельствована мной *in situ*. Обособление «третьей южнославянской редакции» в отношении слов 1—8 оправдано в числе прочего тем, что при тождественности текста толкований в «третьей южнославянской редакции» толкования сопровождаются определенным набором глосс — примечаний на полях («толкования толкований»), которые в списках «третьей восточнославянской редакции» собраны в дополнениях к статье «Сказание словесем Григория Богослова» (см. ниже). Наличие этих глосс может вообще служить первым опознавательным признаком «третьей южнославянской редакции».³⁶

1. Государственная публичная научно-техническая библиотека России (Новосибирск), собр. Тихомирова, № 7. Полный список «третьей южнославянской редакции», выполненный известным хиландарским писцом

³⁵ Бруни А. М. *Theologos*. С. 150—152.

³⁶ О глоссах и о «Сказании словесем» см.: Буланина Т. В. *Первое...* С. 95—111; Бруни А. М. *Theologos*. С. 202—205.

Иовом.³⁷ Имеются предисловия Никиты Ираклийского к четырнадцати словам (при этом предисловие к слову 1 вынесено в начало кодекса и представлено как предисловие ко всему сборнику, вместо предисловия к слову 2 использовано начало толкования Никиты, предисловие к слову 13, которое иногда менялось местом со словом 12 (подробно см. ниже), осталось, как справедливо заметил Бруни по поводу всех славянских рукописей, вообще непереверденным) и стандартный набор глосс, сопровождающих «третью южнославянскую редакцию» — дополнительные разъяснения к толкованиям Никиты, «толкования толкований». Рукопись Иова является для меня основным источником сведений о памятнике, копия ее доступна мне благодаря любезности А. Ю. Бородихина и других сотрудников библиотеки.

2. Библиотека Рильского монастыря, № 4/4 (1). Первая книга «третьей южнославянской редакции» со словами 1—8 (начало сборника утрачено, окончание слова 8 оформлено графически «воронкой» как завершение кодекса, что позволяет думать о существовании в комплекте второго кодекса со словами 9—16).³⁸ Имеются предисловия Никиты Ираклийского к шести словам (в связи с утратой начальных листов недостает предисловия к слову 1, пропущено предисловие к слову 2) и набор глосс, характеризующих «третью южнославянскую редакцию». Возможность познакомиться с рукописью мне любезно предоставлена цифровой библиотекой «Болгарская рукописная книга» (София).

3. Библиотека Болгарской академии наук, № 69 (София). «Третья южнославянская редакция» с большими лакунами, уцелевший фрагмент включает слова 5 (без начала и без окончания из-за утраты листов), 6 (без начала из-за утраты листов), 7, 8, 9 (без окончания из-за утраты листов). Имеются предисловия Никиты Ираклийского к тем словам, которые сохранили начальную часть (слова 7—9), и набор глосс, характеризующих «третью южнославянскую редакцию». Возможностью познакомиться в копии со словом 9 я обязан любезности А. Милтеновой; об остальных текстах сборника сужу по описанию.³⁹

4. Библиотека Румынской академии наук, № 141 (Бухарест). Литургический сборник шестнадцати слов без толкований. Элемент «третьей южнославянской редакции» — толкования к одному только слову 9 — написаны особым почерком и приплетены в конце рукописи (окончания недостает), в то время как сам текст гомилии находится на своем месте внутри кодекса. Определить редакцию толкований у меня была возможность по копии л. 387 (любезность А. Г. Сергеева), прочие сведения о рукописи почерпнуты из печатных источников.⁴⁰

³⁷ См. о нем: Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 499 (автор — А. А. Турилов). Здесь же перечень копированных Иовом рукописей и список научной литературы о нем.

³⁸ В инвентарном перечне Бруни ошибочно сообщается, что в рукописи отсутствуют толкования (Бруни А. М. *Theologos*. С. 182).

³⁹ *Кодов Хр.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на науките. София, 1969. С. 125—128.

⁴⁰ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 724—725 (СОЯС. Т. 79); *Panaitecu P.* Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei Republicii Populare Române. București, 1959. Vol. 1. P. 175—176; *Nichita din Heracleea.* Comentarii... P. 24—25; Бруни А. М. *Theologos*. С. 133—134.

Об остальных рукописях с «третьей южнославянской редакцией» я могу судить только по их более или менее подробным описаниям.⁴¹

5. Библиотека Румынской академии наук, № 142 (Бухарест). Полный список «третьей южнославянской редакции». Бруни опубликовал по этому списку предисловие к слову 16, поэтому можно думать, что в списке имеются предисловия и к остальным словам (хотя этот факт не зафиксирован в описаниях), в описаниях отмечены (и отчасти опубликованы) глоссы, характеризующие «третью южнославянскую редакцию».⁴²

6. Библиотека Румынской академии наук, № 341 (Бухарест). «Третья южнославянская редакция», полнота которой нуждается в проверке. По данным Р. Константинеску, в ней имеются предисловия Никиты Ираклийского и глоссы, характеризующие «третью южнославянскую редакцию».⁴³ Наличие самих толкований остается под вопросом, потому что в описании П. Панаитеску они не упоминаются;⁴⁴ впрочем, из сравнения сведений Константинеску со сведениями Панаитеску можно сделать вывод, что последний не всегда был аккуратен; он пропустил некоторые разделы текста, несомненно имеющиеся в кодексе.

7. РГБ, собр. Егорова, № 852. Первая книга «третьей южнославянской редакции» со словами 1—8. Единственный среднеболгарский список памятника, происходит из Молдавии. По данным Бруни, имеются предисловия Никиты Ираклийского и глоссы, характеризующие «третью южнославянскую редакцию».⁴⁵

8. Музей Сербской православной церкви, № 49 (Манастир Крушедол, Ж.4.55) (Белград). Полный список «третьей южнославянской редакции» (начало рукописи утрачено, начинается с середины слова 2) с подписью того же Иова, который копировал наш список № 1 (собр. Тихомирова, № 7). Имеются предисловия и толкования Никиты Ираклийского.⁴⁶

9. Музей Сербской православной церкви, № 119 (Манастир Велика Ремета) (Белград). «Третья южнославянская редакция», полнота которой нуждается в проверке.⁴⁷

10. Одесская государственная научная библиотека им. М. Горького, собр. Григоровича, № 1/111. На л. 68—76 (правильный порядок: 69—74, 68, 75, 76) находится фрагмент «третьей южнославянской редакции» — отрыв-

⁴¹ В 1991 г., располагая только косвенными данными о рукописи РГБ, собр. Отдела рукописей, № 178, я ее ошибочно отнес к числу сборников с толкованиями Никиты Ираклийского (Буладин Д. М. *Античные традиции...* С. 143). Ср.: Бруни А. М. *Theologos*. С. 135.

⁴² Яцимирский А. И. *Славянские и русские рукописи...* С. 725—727; Panaitescu P. *Manuscrisele slave...* Vol. 1. P. 177—178; *Nichita din Heracleea*. *Comentarii...* P. 24; Бруни А. М. *Theologos*. С. 151.

⁴³ *Nichita din Heracleea*. *Comentarii...* P. 24. Ср.: Бруни А. М. *Theologos*. С. 151.

⁴⁴ Panaitescu P. *Catalog manuscriselor slavo-române și slave din Biblioteca Academiei Române*. București, 2003. Vol. 2. P. 115—117.

⁴⁵ *Nichita din Heracleea*. *Comentarii...* P. 25; Бруни А. М. *Theologos*. С. 167—168.

⁴⁶ Петковић С. *Опис рукописа манастира Крушедол. Сремски Карловци, 1914*. № 60. С. 94—96 (Описи рукописа православних српских манастира у митрополији Карловачкој. Т. 1); Бруни А. М. *Theologos*. С. 150.

⁴⁷ Богдановић Д. *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII век)*. Београд, 1982. С. 28. № 205 (Српска Академија наука и уметности. *Зборник за историју, језик и књижевност српског народа*. 1 одељење. Књ. 31). Ср.: Бруни А. М. *Theologos*. С. 151.

вок из толкований к слову 10 без начала и без окончания из-за утраты листов. Сам текст комментируемой гомилии отсутствует.⁴⁸ Следующий за указанным отрывком лист (л. 77) тоже относится к «третьей южнославянской редакции», представляя собой ее начало — текст предисловия Никиты Ираклийского к слову 1. В другой части рукописи (л. 30) есть еще один текст, связанный с именем великого каппадокийца, — Послание Евагрию («Богослова от еже Евагрию мнху»)⁴⁹.

Каковы признаки «третьей восточнославянской редакции», отличающие ее от «третьей южнославянской редакции»? Отметим сначала внешние атрибуты, памятуя при этом, что само словосочетание «третья восточнославянская редакция» до некоторой степени является абстракцией — постольку, поскольку (как и в случае с «третьей южнославянской редакцией») мы распространяем термин на материал, лишь частично репрезентирующий изучаемый феномен. В нашем случае — это и рукописи, от которых сохранилась только одна половина, и те, где толкования искусственно отделены от текста или ими снабжены не все гомилии литургического сборника. Итак, о внешних приметах «третьей восточнославянской редакции» можно сказать следующее. Как заметил Бруни, славянская традиция — ни на юге, ни на востоке — не дает примеров размещения толкований к литургическому сборнику шестнадцати слов на полях манускрипта.⁵⁰ Текст Григория Богослова, разбитый на отделения, и комментарии Никиты Ираклийского к каждому из отделений выстроены цепочкой — «катенами». В «третьей южнославянской редакции» комментируемые отрезки текста отделены от комментариев графически (цветом или кавычками), обычно они предваряются буквально переведенным с греческого словом «лежащее» (κεῖμενον). Соответственно толкования помечены словом «толк» («тльк», ср. ἐπιτηνεία). Только в восточнославянской письменности, как можно думать, под влиянием «второй» редакции, отделения, на которые членится каждая гомилія, получают свои порядковые номера, слово «лежащее» опускается.

В то время как у южных славян сборники шестнадцати слов, кроме толкований и предисловий Никиты, не снабжались никакими дополнительными статьями, в «третьей восточнославянской редакции» мы встречаем целый их набор. Это Послание Григория Богослова Филагрию (Евдоксию ритору), сопровождавшее литургический сборник уже во «второй» редакции («Богослова к Филагрию ответно»); отрывок из Надгробного слова о брате Кесарии («Того же Богослова о Кесарии, брате его»), засвидетельствованный в одной из древнейших славянских компиляций X в. — в «Минейном изборнике»; «Сказание словесем Григория Богослова от слова еже в Новую неделю», статья, о которой потом скажем отдельно; «От Деяний апостольских толкования», которые восходят (за исключением примыкающего к статье отрывка «о пище телесной») к Толковому Апостолу; «Молитва,

⁴⁸ Полное издание фрагмента см.: *Зубов М. И.* Одеський список... С. 35—46.

⁴⁹ См.: *Мочульский В. Н.* Описание рукописей В. И. Григоровича. Одесса, 1890. С. 21—25. Ср. об этих разделах рукописи: *Зубов Н. И.* Текстологические замечания... С. 58. Отрывок из послания Евагрию известен по Изборнику Симеона-Святослава (Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. С. 140).

⁵⁰ *Бруни А. М.* Theologos. С. 200.

скончавши книгу Григория Богослова».⁵¹ Наличие довольно ранних южнославянских списков говорит за то, что частично — в виде комплекса из Послания Филагрию, отрывка о Кесарии, «Сказания словесем...» (краткий вариант) и извлечения из Толкового Апостола (без отрывка «о пище телесной») — этот набор сложился на Балканах в то же примерно время, когда шла работа над новой («третьей») редакцией сборника шестнадцати слов, но независимо от этого последнего сборника (поскольку статьи включены были в него только в восточнославянских списках). В пользу такого вывода свидетельствуют кроме присутствия перечисленных статей в южнославянских сборниках разнообразного содержания еще и чтения, общие для южнославянских списков и восточнославянских в составе «третьей восточнославянской редакции», относительно тех, что запечатлели более раннюю стадию в бытовании каждого из текстов, впоследствии составивших комплекс.⁵²

Новация восточнославянской рукописной традиции заключается не только в том, что указанный комплекс был расширен за счет новых текстов, но и в том, что он был присоединен в качестве дополнения к сборнику шестнадцати слов — к его «третьей восточнославянской редакции». Наиболее важным сигналом, указывающим на тот перевалочный пункт, на котором был дополнен комплекс, является наращение статьи «Сказание словесем...». Дело здесь вот в чем.⁵³ «Сказание словесем...» рукописи дают или в кратком, или в пространным варианте, последний представляет собой краткий вариант с подверстанными к нему дополнениями. Как выясняется, статья состоит из двух гетерогенных пластов. Первый, изначальный, читается в кратком варианте. Это толкование одного только выражения «град меден» из Слова в Новую неделю (слово 3 при «пасхальной аколупии»), причем предлагаемое тут толкование позаимствовано из тех объяснений Никиты Ираклийского, которые были пропущены при первом их переводе — во «второй» редакции. Ясно, что краткий вариант «Сказания словесем...» явился на свет до возникновения «третьей южнославянской редакции», где толкования Никиты переведены, как кажется, без существенных пропусков. В пространным варианте «Сказания словесем...» к первому толкованию (выражения «град меден») присовокупляется целая вереница новых, причем каждое из них снабжено конкретным адресом — отсылкой к соответствующему слову Григория Богослова с указанием на номер соответствующего отделения в этом слове. Исследование показало, что новоприбылые толкования суть собранные вместе глоссы, которые располага-

⁵¹ Буланина Т. В. Первое... С. 97—98; Бруни А. М. Theologos. С. 204—206. Необязательным элементом «конвоя» является Житие Григория Богослова, впрочем читающееся уже в прибавлениях к литургическому сборнику по списку «второй» редакции РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 8. См. о Житии (двух его редакциях): Бруни А. М. La tradizione slava antica della «Vita di S. Gregorio il Teologo» (ВНГ 723) : Fonti manoscritte e versioni del testo // Ricerche slavistiche. 2011. Vol. 9 (55). P. 35—54; Каталог памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. С. 288.

⁵² См.: Буланин Д. М. Античные традиции... С. 144; Грицевская И. М. Послание Григория Богослова Филагрию в славянской и русской книжности // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 365—373.

⁵³ Рукописная история «Сказания словесем...» излагается далее по результатам работы Т. В. Буланиной (Первое... С. 98—101).

лись на полях «третьей южнославянской редакции» и предлагали дополнительные разъяснения к толкованиям Никиты Ираклийского («толкования толкований»). Достоин внимания следующий факт: в то время как в «третьей южнославянской редакции» глоссы распределены по всему сборнику, коллекция их, присоединенная к старшему пласту «Сказания словесем...», ограничивается теми, что сопровождают гомилии только в первой половине литургического сборника (последнее объяснение относится к слову 7). Перед нами первое ясное указание на то, что «третья южнославянская редакция» прибыла на Русь в усеченном виде — с отличающими эту редакцию от «второй» пространными толкованиями Никиты Ираклийского, которые однако были восприняты лишь в объеме, относящемся к первым восьми словам.

Промежуточный этап на пути формирования «третьей восточнославянской редакции» отразился в списке литургического сборника слов Григория Богослова РНБ, собр. Погодина, № 989. В завершающем ее пространном колофоне рукопись приурочена к 1479 г., но текст этого колофона (если не считать самой даты 1479 г.), по-видимому, буквально воспроизводит то, что читалось в антиграфе. Антиграф же представлял собой работу известного книжника Кирилло-Белозерского монастыря Олешки Палкина (Павлова). Если верить рассказанному в колофоне, копия 1479 г. является последним звеном в целой веренице рукописей, восходящих в конечном итоге к сборнику, привезенному «от Сербские земли» неким Кассианом Румянцевым. Замечу, к слову, что колофон с именем Олешки Палкина послужил поводом для довольно смелых ученых и не очень ученых фантазий, касающихся механизма русско-славянских литературных связей, применения литургического сборника Григория Богослова в «учебном процессе», который будто бы разворачивался в русских монастырях, и др.⁵⁴ Критический разбор этих фантазий выходит за пределы наших теперешних скромных задач. В самой Погодинской рукописи вообще нет толкований, между тем как в ее южнославянском протооригинале они несомненно имелись. По какой-то причине они ограничивались первыми восемью словами. Об этом прямо говорится в специальном замечании после слова 8 на л. 100 об.: «Сию осмь словес исписа великий Григорий Богословесный. Истолкова же их Микита Раклийский, их же обрящещи списаны во иных книгах, аминь». Кодекс в особенности интересен тем, что в нем присутствуют как приметы новой («третьей») редакции, так и реликты предыдущей («второй»). Во-первых, текст самих гомилий дан здесь в исправленной («третьей») редакции, во-вторых, к сборнику прицеплены сопроводительные статьи, отличающие «третью восточнославянскую редакцию».⁵⁵ Любопытно, что частично эти статьи отнесены

⁵⁴ См., со ссылками на предшествующую литературу, по указателю в кн.: *Roman-chuk R. Byzantine Hermeneutics and Pedagogy in the Russian North : Monks and Masters at the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397—1501. Toronto; Buffalo; London, 2007. P. 409.*

⁵⁵ Еще две добавочные статьи Погодинского кодекса, на которые обратила внимание Ж. Л. Левшина и которые не заметили ее предшественники, в последующей рукописной традиции сборника слов Григория Богослова не прижились. См.: *Левшина Ж. Л. Конвой 16 слов Григория Богослова в рукописи № 989 из собрания М. П. Погодина // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 72—73 (Тез. докл. участников IX Междунар. конф. «Комплексный подход в изучении Древней Руси»).*

в конец кодекса, а частично разместились после слова 8, дополнительно акцентируя шов между двумя половинами сборника. С другой стороны, статья «Сказание словесем...» представлена в Погодинской рукописи кратким вариантом, стало быть соотносящимся со стадией развития сборника, предшествующей «третьей» редакции. Краткий вариант удерживают и все другие списки литургического сборника из той упоминавшейся уже категории, довольно распространенной в русской письменности, где пропущены толкования к словам 9—16.⁵⁶

Отсутствие в восточнославянской письменности той новой версии толкований Никиты Иракийского ко второй половине сборника (слова 9—16), какая сохранилась в перечисленных выше представителях «третьей южнославянской редакции» (где сохранилась эта вторая половина), можно назвать врожденным дефектом «третьей восточнославянской редакции». Поскольку точно такой же дефект присущ был сербской рукописи, о которой идет речь в колофоне Олешки Палкина, весьма правдоподобно предположение, что к этой именно южнославянской рукописи восходят все многочисленные списки «третьей восточнославянской редакции», получившей свои дифференциальные признаки по мере удаления от кодекса Кассиана Румянцова. Ибо, если мы примем во внимание беспримерную популярность сборника шестнадцати слов, кажется невероятным, чтобы русские книжники, имея они к нему доступ, не воспользовались бы другим, более доброкачественным южнославянским списком — с новой (полной) версией толкований ко всем шестнадцати гомилиям сборника. Примечательно и такое совпадение, как наличие в Погодинской рукописи свойственных «третьей» редакции сборника предисловий Никиты Иракийского к словам 9—16 (за исключением отсутствующего и в южнославянской традиции предисловия к Слову 13 (12), посвященного Григорию Нисскому), причем с тем именно дефектом, которым будет отмечена вся позднейшая русская традиция: предисловие к Слову 16 представляет собой другой перевод предисловия, предпосланного Слову 15. Постулируя происхождение всех восточнославянских списков с новой версией толкований к словам 1—8 от одного сербского протографа — того, что упомянут в послесловии к Погодинской рукописи, мы не будем однако модернизировать содержание этого последнего текста. Нужно давать себе отчет в ритуальной природе сетований Олешки по поводу трудностей понимания южнославянских рукописей и по поводу титанических усилий, якобы потребовавшихся для перевода сербского оригинала на стандартные нормы русской орфографии XV в.⁵⁷ С этой оговоркой мы можем, пожалуй, принять на веру ту книжную генеалогию, которую выстраивает Олешка Палкин. То есть признать несохранившийся кодекс Кассиана Румянцова подлинным родоначальником всей русской традиции, связанной с распространением «третьей» редакции слов велико-

⁵⁶ Бруни А. М. Theologos. С. 176—181.

⁵⁷ В свое время К. Иванова, комментируя колофон Погодинской рукописи, удивлялась тому, как на самом деле мало нового внесено было в перевод слов Григория Богослова при его велеречиво восхваляемой Олешкой русской адаптации (Иванова К. История на един южнославянски ръкопис в руската книжнина през XV в. // Старобългарска литература : Изследвания и материали. Кн. 2 : Българо-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977. С. 165).

го каппадокийца. Кстати, этот пример, когда «второе южнославянское влияние» реализуется через одну-единственную, притом не лучшую по полноте рукопись, оказавшуюся прародителем всех русских списков, может охладить пыл тех, кто мыслит «южнославянское влияние» в виде будто бы хлынувшего на Русь мощного потока балканской книжности.

Помимо пропуска толкований к словам 9—16, помимо предпочтения краткого варианта «Сказания словесем...», есть еще один нюанс, объединяющий Погодинскую рукопись (точнее, ее антиграф, ибо в копии с именем Олешки исчезли и толкования к словам 1—8) и сербские списки литургического сборника, с одной стороны, прочие русские кодексы с толкованиями только к словам 1—8, с другой стороны. Бруни обратил внимание на то, что последовательность слов 12 и 13 внутри литургического сборника с «пасхальной аколуфией» варьируется в зависимости от языковой и орфографической специфики списка (независимо от наличия или отсутствия толкований). Болгарские и молдавские списки следуют за греческими образцами и ставят сначала Похвальное слово Афанасию Александрийскому, а потом Слово Григорию Нисскому. Сербские списки меняют их местами, причем Бруни отыскал среди многочисленных греческих представителей литургического сборника только три аналога с такой последовательностью гомилий.⁵⁸ Так вот, Погодинская рукопись, как и вся группа русских списков с толкованиями только к словам 1—8, воспроизводит последовательность гомилий в сербских списках, что можно считать дополнительным указанием на источник происхождения «третьей восточнославянской редакции». Справедливости ради нужно сказать, что в более поздней русской традиции на равных правах существовали списки литургического сборника с исконной последовательностью слов — со Словом Григорию Нисскому на втором месте. Не думаю, что это дает достаточные основания предполагать дополнительное — вторичное обращение русских книжников к южнославянским и тем паче к греческим образцам. Для восстановления первоначальной последовательности достаточно было свериться с церковным календарем, по которому память Афанасия Александрийского отмечается 10 января, следовательно, до дня памяти Григория Нисского (18 января). Что же касается метатезы гомилий, то она, как видно, тоже не случайна. Она мотивирована второй датой — 2 мая, когда Церковь еще раз вспоминает Афанасия Александрийского в связи с днем его преставления. Если гомилию Григория Богослова, посвященную архиепископу Александрийскому, читали 2 мая, естественно было поставить ее после другого слова, приуроченного к 18 января.⁵⁹

Вернемся к истории образования «третьей восточнославянской редакции». Понятно, что многих русских книжников не могло удовлетворить такое положение вещей, когда половина гомилий из литургического сборника оставалась без толкований. Одним из компромиссных решений, позволявших справиться с этой трудностью, было решение соединить первые восемь

⁵⁸ Бруни А. М. *Theologos*. С. 137—138.

⁵⁹ Ср. в сербской Четии Минее из собрания Хиландарского монастыря, № 445, запись на поле под 2 мая: «В 2 святому Афанасию в Богослове ищи» (*Иванова К. Bibliotheca hagiographica balcano-slavica*. С. 146, 526).

проповедей с толкованиями, которые и в тексте слов Григория Богослова, и в переводе толкований вполне соответствовали тем же восьми проповедям и тем же толкованиям по чтению «третьей южнославянской редакции», с более древним пластом переводов — с последними восемью проповедями, включая сопровождающий их сокращенный перевод толкований, по «второй» редакции. Такие списки-«кентавры» получили довольно широкое распространение.⁶⁰ Но, как видно, решение это удовлетворило не всех. Кто-то догадался пойти несколько другим, более хитрым, путем: взяв за основу исправленную версию сборника, пришедшую со славянского юга (то есть с новым текстом всех шестнадцати гомилий и с новым текстом толкований к первым восьми из шестнадцати), он снабдил оставшиеся при таком раскладе без объяснений слова 9—16 толкованиями, извлеченными из «второй» редакции. Если угодно, это тоже списки-«кентавры», но с чужеродной частью, охватывающей только толкования к словам 9—16 (в указанной прежде группе списков-«кентавров» чужеродными — воспроизводящими «вторую» редакцию — были и сами слова 9—16, и толкования к ним), то есть с толкованиями к словам 9—16, сокращенными относительно греческого оригинала и относительно новой южнославянской версии. Перечисленными процедурами (разбивка каждого слова и толкований к нему на нумерованные отделения, инкорпорация в сборник дополнительных статей, определенная комбинация составляющих частей из «второй» редакции и из «третьей южнославянской редакции») процесс формирования «третьей восточнославянской редакции» не завершился. Позаимствованные из «второй» редакции толкования Никиты Ираклийского к словам 9—16 продолжили в составе получившегося сборника самостоятельное развитие. Отличия их от перевода тех же сокращенных толкований по «второй» редакции не столь уже значительны, однако вполне достаточны, чтобы безошибочно определить переделку как составную часть именно «третьей восточнославянской редакции». Сегодняшние наши знания о судьбе литургического сборника Григория Богослова в русской письменности не позволяют сказать, внесены ли такие изменения в один присест или это был многоступенчатый процесс. К слову сказать, сложность и темнота древнего выборочного перевода толкований Никиты Ираклийского побуждали наиболее пытливых из русских книжников обращаться за разъяснениями к эрудированным экзегетам. Таково происхождение мифологических комментариев Максима Грека к тем самым словам Григория Богослова, для истолкования которых назначены были эксцерпты из Никиты Ираклийского в Синодальной рукописи.⁶¹

Но продолжим анализ развития «третьей восточнославянской редакции». Беру на себя смелость утверждать, что те, кто вносили изменения в перевод толкований к словам 9—16 по «второй» редакции, не имели возможности корректировать свою работу ни по греческому оригиналу, ни по новой южнославянской версии этого текста. Приведу примеры, выбрав для сравнения толкования к тем отделениям слов 9 и 10, которые посвящены античным мифам и которые напечатаны по рукописям «третьей восточнославянской редакции» в приложении к моей книге 1991 г. (третий столбец со

⁶⁰ Бруни А. М. *Theologos*. С. 152—160.

⁶¹ Подробно см.: Буланин Д. М. *Переводы и послания Максима Грека*. С. 30—52.

ссылкой на отделение и на страницу в издании). Чтения «второй» редакции (второй столбец) взяты из рукописи РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 8; ошибки, часто попадающиеся в этой крайне неисправной копии, корректируются без оговорок по Виленскому и Архивскому Хронографам (на доступных для сравнения участках текста),⁶² а также по одному из списков-«кентавров», сохранивших во второй половине сборника (слова 9—16) «вторую» редакцию в совокупности отличающих ее от «третьей» текстов гомилий и текстов толкований (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 138). В первом столбце указываю эквиваленты (иногда приблизительные) в греческом оригинале.⁶³ Итак, какого же типа изменения вносили в старый перевод толкований («вторая» редакция) русские книжники?

Начнем с самых простых — с синонимических вариаций отдельных слов и парафразы некоторых словосочетаний, при которой не менялся смысл исходного текста. Поскольку таких примеров очень много, приведу лишь несколько, достаточно репрезентативных:⁶⁴

τὸ κρείττοσι	лепьше	добрейшее (отд. 22, с. 344)
τὸν δὲ μαστίζειν τοὺς ἵππους	ово же бити коне	ов же бивчий (отд. 22, с. 346)
μυθολογοῦσιν	бають	глаголют (отд. 4, с. 351)
οἱ σοφότεροι	философи	любомудрецы (отд. 4, с. 351)
οἱ μύθοι φασί; ὡς τῷ μύθῳ δοκεῖ	бають — <i>дважды</i>	баснословят (отд. 5 и 6, с. 352 — <i>дважды</i>)
ἡ αὐτονομία	закон	обычай (отд. 7, с. 353)
ἐξήγαγεν τὸ ἔμβρυον	изнесе детище	изят младенец (отд. 7, с. 353)
τὸν κεραυνόν	трескание	молнию (отд. 7, с. 353)
μειράκιον	детищ	юноша (отд. 8, с. 354)
μαλακία	малакия — <i>дважды</i>	скверньство, сквернительство (отд. 9, с. 355)

⁶² Пользуюсь изданием в работе: *Иванов С. А.* Мифологический конвой «Басни о Софии» в составе Иудейского Хронографа // *Славяноведение*. 2010. № 2. С. 63—71.

⁶³ При подборе греческих эквивалентов использовано, помимо книги Р. Константинеску, издание «историй» псевдо-Нонна, которые в толкованиях Никиты Ираклийского к Надгробному слову Василию Великому воспроизводились почти без изменений, но которые часто близки к толкованиям Никиты и в Слове на Богоявление. См.: *Pseudo-Nonniani in IV orationes Gregorii Nazianzeni commentarii...* P. 217—267 (отсюда взят текст фраз, не попавших в выборку Константинеску, и исправлены некоторые ошибки в издании румынского исследователя).

⁶⁴ Несколько дополнительных примеров, показывающих синонимическое варьирование и извлеченных из Слова на Крещение (слово 11 «пасхальной аколуфии»), можно найти в таблицах М. В. Корогодиной, которая — в соответствии с историографической традицией — не делает различия между «третьей южнославянской редакцией» и «третьей восточнославянской редакцией» (*Корогодина М. В.* Древнерусское богословие и катехизические тексты XIV в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2014. № 4 (58). С. 5—22).

θαυμάσαντας	чюдивъшим ся	удивльшим ся (отд. 10, с. 355)
τὰς ἀποβάσεις γίνεσθαι πρὸς τὰς τῶν ἀστέρων ἐπιπλοκάς ... καὶ ταῦτα ἐπαγγέλονται	случающая ся быти по звездам съплетениемъ обещавають	сбыти ся хотящая от звезднаго пошествия возвестити обещавають ся (отд. 13, с. 357)
εἰς τιμὴν τῆς ἐκείνου συμφορᾶς	в честь оногo беде	почитающе оногo погибель (отд. 15, с. 358)

Немало случаев, когда в «третьей восточнославянской редакции» находим добавки или пропуски против греческого оригинала, близко переданного в первоначальном переводе толкований, — изменения, которые, однако же, не искажают общего смысла. Некоторые добавки такого рода, сравнительно со «второй» редакцией, не имеющие соответствия в греческом, но и не нарушающие общего хода мыслей, — особенно когда они довольно пространные, намекают на желание русских книжников осмыслить неудобочитаемый древний перевод:

ἀπλῶς	въпросто	впросто рещи (отд. 4, с. 338)
λιμῶ διεφθάρη	гладомъ истле	и тако безумный тѣй гладом истле (отд. 21, с. 343)
τῆς πηγῆς	ко источнику	источнику ... тоя воды (отд. 22, с. 344)
ἄνθρωπον τινὰ γόητα εἶναι μιарόν	человеку некоему волхву скверньну	человеку некоему скверну (отд. 4, с. 351)
οἱ θεολόγοι τῶν Ἑλλήνων	баснословьци елиньстии	еллинстии мудролюбцы (<i>вариант</i> : любомудрецы), паче (<i>вариант</i> : истиннейше) же рещи баснословцы (отд. 4, с. 351)
προσεμυθολόγουν	баснь убо глаголетъ	глаголют же (отд. 4, с. 351)
ἄλλοι δὲ ἑτέραν θεάν	етери же вид	нецыи (<i>вариант</i> : друзии) же вид некий мечтания сатанинска (отд. 11, с. 355—356)

Есть случаи, когда «третья восточнославянская редакция» убирает или добавляет слова-дублиеты (некоторые из них, возможно, были первоначально глоссами), иногда вместо лексемы старого перевода вставляется эквивалент (или близкое слово) из самого объясняемого текста Григория Богослова:

ἔπεισαν τὴν πόλιν	створиша град наустивъше	град наустиша (отд. 22, с. 346)
ὁ μῦθος λέγει περὶ τῶν Γιγάντες	баснь глаголетъ о Гигантех	баснь глаголет о Гиганьтех, иже суть сполини (отд. 30, с. 349)

ἀνεδόθησαν Γιγάντες	быша вологове Гиганти	быша Гиганти (отд. 30, с. 349)
ἡ Κόρη	Дева	Отроковица (отд. 6, с. 352) = <i>Григорий Богослов</i>
ἡ δὲ Κασταλία πηγὴ	Кастелии же источник	Касталинский же источник (отд. 12, с. 356) = <i>Григорий Богослов</i>
μυστήρια	тайны	тръжества (отд. 14, с. 357), ср. «требы» у <i>Григория Богослова</i>

Большее значение как свидетельство ближайшей зависимости «третьей восточнославянской редакции» от перевода толкований во «второй», с одной стороны, и ее самостоятельной истории, не пересекающейся ни с греческим оригиналом толкований, ни с их новым переводом в «третьей южнославянской редакции», с другой стороны, имеют чтения, в которых анализируемая редакция удерживает ошибки, допущенные прежним переводчиком. Особенно заметны они в переводе имен собственных (иногда с ошибкой при прочтении греческого оригинала), которые сплошь и рядом принимались за нарицательные. Но налицо и сходные ошибки другого типа:

τὸν Ἥλιον	солнечь град	солнечный град (отд. 4, с. 337)
ἐν Ἀπλία χώρα	в бесконную страну	в ... бесконную страну (отд. 4, с. 337)
πάντας καὶ πάσας	вся и вся	вся и вся (отд. 4, с. 337)
δίδυμοι	ладна	ладна (отд. 22, с. 345)
τούτον	наю	наю (отд. 22, с. 345)
ὁ Πλούτων, ἤγουν ὁ Ἄδης	богательство, реку же Ад	несытство, рекше Ад (отд. 6, с. 352)
ἐαυτὸν ὑπογείω τε τελεούτηκε	от пес снаден бысть	от пес снаден бысть (отд. 11, с. 356)

Симптоматичными в наибольшей степени, то есть однозначно показывающими, что единственным источником для толкований в «третьей восточнославянской редакции» служил их старый перевод во «второй» редакции, являются те случаи, когда более поздний книжник пытается в меру своего разума истолковать ошибочный перевод своего предшественника. Или сам неверно понимает чтения этого последнего, не имея возможности проверить их по оригиналу. Так или иначе, выявляется линейная зависимость одного текста от другого. Некоторые добавки и замены в толкованиях по «третьей восточнославянской редакции» трудно вывести непосредственно из главного ее источника — сокращенных толкований «второй» редакции: слишком уже туманный текст предлагала последняя.

ὡς βαλλοῦσαν τὰς ἐλάφους εὐστόχως Ἑλαφηβόλον αὐτὴν ἐκάλουν θεόν	яко стреляюще елени добролучалну ю зъваху	яко стреляющи елени добролучне пуцати стрелы хваляху (отд. 7, с. 339)
διὸ ἔστιν ἐν οὐρανῷ ὡς οἱ μῦθοι λέγουσι μετὰ σκορπίου	темь на небеси есть, яко басни глагол, скорпиною	того ради на небеси есть, яко же баснь глаголет, скорпиною уморен быв (отд. 7, с. 339)
ὡς ἓνα δοκεῖν τοὺς δύο καὶ διδύμους	яко единого мнети пер-вых близньца	яко единого мнети от древних близнеца (отд. 22, с. 346)
οὓς καὶ λειμώνων ἀσφοделῶν ἤξίωσαν	и яже цветуть древа сподобиша я	иже присно цветущаго древа сподоби а (отд. 24, с. 348)
συγκαλύψαι τὴν τοῦ νηπίου θεοῦ κλαυθμυριζομένου βαρεῖαν ἤχην	покрыти младенца богу плачущю	покрыти младенца плачуща (<i>вариант:</i> плачуща ся) глас (отд. 4, с. 351), <i>ср.</i> «глас» у Григория Богослова

Приходится думать, что книжники, на чьей совести лежит возникновение «третьей восточнославянской редакции», обращались, помимо главного своего образца (толкований во «второй» редакции сборника), к каким-то сторонним источникам, возможно, даже к источникам сверх того скудного архива сведений по античной мифологии, который был им доступен в славянских рукописях.⁶⁵ Важно при этом подчеркнуть, что разночтения не позволяют считать таким источником «третью южнославянскую редакцию». Кстати, последняя в свою очередь не так уж редко не согласуется с греческим оригиналом, но ее сверка с оригиналом — задача для самостоятельного исследования, необходимым условием которого является издание толкований Никиты Иракийского на греческом языке:

О семи чудесах света⁶⁶		
ἐν μὲ αἰ ἐν Αἰγύπτῳ Θῆβαι καὶ οὐχὶ κατὰ τὰς ἐν Ἑλλάδος ἐπτάπυλοι ... ἀλλ' ἐκατοντάπυλοι τεῖχη ἔχουσα περιβαλλῆ καὶ ἀξιωθαύμαστα. Δεύτερον δὲ τὰ Βαβυλώνια	Чудес 7: един убо — в Еюпте в Фивеи же, и в Еладе 7 столпов, столпове же стены имущее предобры и досточюдны; второе же — Вавилоньския стены, яже Семирам созда	«И что ми, глаголет, противу Великаго Василиа делу седмовратный Фивейский град и Египта», величеством преимуца всех градов. «И стены Вавилонския», его же созда

⁶⁵ Ср.: Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 3—31.

⁶⁶ Кажется, можно указать на одну из причин переделки рассказа о семи чудесах света в «третьей восточнославянской редакции» относительно рассказа «второй». Дело в том, что в просмотренных мной списках-«кентаврах», где слова 1—8 соответствуют (по терминологии Бруни) Slav. 2, а слова 9—16 соответствуют Slav. 1, в Надгробном слове Василию Великому (слово 9) пропущены толкования к отделениям 74 и 75 с находящимися там объяснениями чудес света. Ясно, что они были утрачены на каком-то из этапов развития литургического сборника. Ср. в кодексе со второй половиной сборника данной группы (слова 9—16) БАН, 17.4.10, л. 67, на верхнем поле: «Зри 74 и 75 несть толкования».

<p>τείχη, ἃ Σεμίραμις κατεσκεύασεν ἐξ ὀπτῆς πλίνθου καὶ ἀσφάλτου, περίμετρον ἔχουσα σταδίων τριακοσίων, πλάτος τοῦ τείχους πηχῶν ὀγδοήκοντα. Τρίτον ὁ ἐν Καισαρείᾳ τάφος, ὃν Μάυσωλος ὁ τῆς χώρας δυνάστης μέγιστον καὶ ποικίλον καὶ πολυτελέστατον ἐαυτῷ κατεσκεύασεν ... γράφεται δὲ ὃν καρικὸς τάφος, ἵνα ἤ κτητικῷ, γράφεται δὲ καὶ καρὸς, ἵνα ἤ ἔθνικὸν τοῦ Μανσώλου τοῦ Καρὸς. Τέταρτον αἱ πυραμίδες, οἰκοδομήματα τινὰ ἐν Αἰγύπτῳ ... κατὰ μὲν τινὰς ὑπὸ Ἰωσήφ εἰς σιτοδοχεῖα πάνυ σοφῶς κατασκευασθέντα καὶ ἀπὸ τοῦ πυροῦ ἤγουν τοῦ σίτου ὀνομασθέντα πυραμίδες ... Πέμπτον ὁ ἐν Ῥόδῳ Κολοσσὸς εἶδωλον Ἀπολλώνος ἀπάντων μέγιστον ... Τινὲς δὲ φασὶ κίονα τοῦτον εἶναι χαλκοῦν ... πηχῶν κατὰ Ἀριστοτέλην ἑξακοσίων. Ἐπὶ τούτοις ἕκτον ἐν κόσμῳ θέαμα τὸ Καπιτώλιον Ῥώμης, ἕβδομον δὲ τὸ τοῦ Ἀδριανοῦ ἱερὸν ἐν Κυζίκῳ</p>	<p>от жженных плит, стену в широту 80 локот; третиее — Кариев гроб, иже Мавъсал величество и различье себе устрои; четвертое — пирамиде, зданья в Еюпте, по неких от Иосифа всемудране устроено на приятье пшенице, от пшенице пирамиде именовашеся, «пира» бо «пшеница» речется; пятое — в Роду острове колос, се бе идол нов превелик зело, ему же столп медян, по Аристотелю, локот 600; ово же их шестое — позор, се(д)мое — Аньдрьяновъ капище в Кузице</p>	<p>некогда Новходоносор мною силою; столпы бо стенам его бяху, яко же глаголют, двадесяти сажен в высоту, а в толстоту четырих сажен. «И Мавъсолов мряморяный гроб», сего убо Мавъсола, глаголют, хитреца бывшего мрамору и устроивша себе гроб велми чуден от различных мрамор избранных. Пирамиды же именуе некия вещи снадныя, хитре устраеяемыя от пшеница по древнему их обычаю и с другими некими от сладких смешаемы; от пшеница же пирамиды именовашася, «пира» бо «пшеница» глаголется. «Колосову же медь безмерну» именуе, в Роду убо острове колос сей бе, идол нов и превелик зело, ему же столп медян, по Аристотелю, лакоть шестьсот. «А еже храмов величества и доброты» глаголет — се есть в Кузице капище Андрианово, велико велми устроено и многими красотами украшено без меры, яко же видящим чудитися доброте его (отд. 74, с. 350)</p>
О рождении Диониса		
<p>καὶ ἐποιήσεν εἰ βούλει τὸ γνῶναι</p>	<p>створи, яко хоте</p>	<p>и научи ю, сице глаголющи (отд. 7, с. 353)</p>
Об Ифигении		
<p>ἐμαντεύσαντο καὶ ἐπύθοντο περὶ τῆς αἰτίας ἀκούοισιν, ὡς εἰ μὴ διὰ τῆς θυγατρὸς</p>	<p>волхвоваху, прашающе вины: Разве дщерию</p>	<p>волхвоваху, вопрошающе вины. И бысть им ответ, яко не инем чим, разве дщерию (отд. 9, с. 354)</p>

Приведенных примеров, думается, вполне достаточно, чтобы подкрепить мой тезис об автономном относительно «третьей южнославянской редакции» развитии текста толкований к словам 9—16 в «третьей восточно-

славянской редакции». А теперь, опираясь на те же сравнивавшиеся до сих пор фрагменты, позволю себе высказать более рискованную мысль, именно — что «третья южнославянская редакция» в свою очередь возникла, в разделе толкований, независимо от «второй», где комментарии Никиты Ираклийского были, как мы помним, представлены в сокращенном виде. Иными словами, я позволю себе выразить сомнения в истинности схемы, впервые сформулированной Горским и Невоструевым (см. выше, примеч. 16), будто толкования в «третьей» редакции представляют собой «дополнения» к сокращенному их переводу во «второй» редакции. Такая схема получила в историографии энергичную поддержку со стороны М. Н. Сперанского, который, опираясь на заключение составителей «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», рассматривает историю литургического сборника слов Григория Богослова («вторую» его редакцию) в числе примеров так называемого «первого восточнославянского влияния» на южнославянские литературы.⁶⁷ То есть, по мысли Сперанского, переведенный на юге сборник шестнадцати слов пришел оттуда на Русь, где он был снабжен сокращенным переводом толкований Никиты («вторая» редакция) и в таком виде экспортирован назад на юг. Южные славяне в XIV в. выправили перевод самих гомилий и дополнили сокращенный перевод толкований, в результате чего возникла «третья» редакция сборника. В таком переработанном виде он, полагает Сперанский, вернулся на Русь в эпоху «второго южнославянского влияния». Более поздние исследователи, включая автора этих строк, не внесли в изложенную концепцию ничего принципиально нового.

Мы не забываем, что пока не издан вполне греческий оригинал толкований Никиты Ираклийского, все выводы о судьбе памятника в славянской письменности будут по необходимости носить гипотетический характер. И все-таки изложенная концепция представляется мне слишком сложной, а потому уязвимой. Дело в том, что никто еще не обнаружил никаких следов бытования на юге славянства «второй» редакции сборника вместе с сопровождающими ее толкованиями. Поскольку же перевод самих гомилий во «второй» редакции единодушно признается памятником древней преславской письменности, проще предположить, что там, то есть на Балканах, он и удержался до XIV в. Тогда, на волне имевшего место на юге обновления всего книжного репертуара, древнейший перевод гомилий был поправлен и снабжен толкованиями Никиты, переведенными заново, и на сей раз без существенных изъятий. Правда (заметим в скобках), внимательное сравнение этого нового опыта усвоения славянской книжностью толкований Никиты с их греческим оригиналом (в доступных для сравнения масштабах) убеждает, что и тут не обошлось без купюр. Их характеристику при отсутствии критического издания оригинала приходится отложить на будущее. Сейчас для нас главное — предварительный вывод, что новый перевод был выполнен без оглядки на сохранившийся только в восточнославянских списках прежний сокращенный перевод того же памятника (во «второй» редакции),

⁶⁷ Сперанский М. Н. Русские памятники письменности в юго-славянских литературах XIV—XVI вв. // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 58—64.

перевод, по-видимому, так и не проникший на Балканы. Между тем, как теперь выясняется, новый южнославянский перевод толкований пришел к нам в усеченной форме — в виде первой своей половины (к словам 1—8). Ущербность новополученного памятника потребовала от русских книжников самостоятельных манипуляций с текстами, о которых мы частично уже говорили.

Разумеется, моя схема тоже носит гипотетический характер, для ее дискредитации в пользу традиционной схемы, признающей «дополнительный» статус южнославянского перевода толкований, достаточно будет найти одну общую ошибку против греческого в сокращенном и в полном переводе Никиты Иракийского, которая не могла бы вкратце в них независимо друг от друга. Мне пока такой ошибки найти не удалось. И все же, чтобы избежать упреков в попытках подогнать материал под умозрительную теорию, считаю нужным привести в пределах все тех же фрагментов толкований, касающихся мифологии, несколько образцов не самой распространенной лексики и не самых заурядных оборотов, которые совпадают во «второй» редакции сборника (они удержаны и «третьей восточнославянской редакцией», в случае отклонений варианты даются в скобках под цифрой «3»), с одной стороны, и в «третьей южнославянской редакции», с другой стороны (соответственно второй и третий столбцы, причем источниками мне служат Троицкая рукопись, № 8, с неоговоренными исправлениями по указанным прежде памятникам, и рукопись Тихомирова, № 7; привязка к контексту дается по греческому оригиналу). Объяснить данные совпадения в пределах изложенной мной новой схемы развития памятника я пока не могу:

ἡ ἀβροχία (Constantinescu, p. 175)	Бездожде	безьдъжде
ὕγρότης καὶ ψυχρότης (Constantinescu, p. 191)	мокро и студено	мокротно и студено
σκαίρει καὶ ἄλλεται (Constantinescu, p. 191)	скачеть и играеть	скачеть и играеть
Κορύβαντες δὲ εἶδος δαιμόνων ἢ ὑπηρετοῦντων τῇ Ῥέα (Constantinescu, p. 180)	кориванте же вид бесовск, служашеа Реи	кориванди же суть видь бесовьский, служеще Реи
ὄρμημένων (Constantinescu, p. 184)	устремльшимься	устръмльшимсе
καὶ ὄφεις περικειμένην καὶ δράκοντας καὶ ... ἀνθρώπους ... δρακοντοκεφάλους (Constantinescu, p. 182)	и змиями облажащю (<i>вариант 3</i> : облежиму), и змиево (<i>вариант 3</i> : змиа страшныи), и ... человеки ... главы имуще змиевы	и беху змие, и змиеве, и человеци ... змеоглавныи
Τροφώνιος καὶ Ἀγαμήδης ἐγένοντο ἀδελφοὶ δύο μάντες τὴν τέχνην (Constantinescu, p. 178)	Трофоний же вольхов	Трофоние же вльхв
οἱ Μάγοι (Constantinescu, p. 190)	вольсви	вльхвы

Самостоятельно изготовленный на Балканах перевод толкований, который был использован для «третьей южнославянской редакции», безусловно, требует дальнейшего изучения. В числе прочего на очереди стоит определение пропусков (и объяснение их причины) в новом переводе памятника сравнительно с греческим оригиналом, хотя эти пропуски существенно меньше по количеству и по объему, чем те, что отличают сокращенный перевод толкований во «второй» редакции. Не менее (если не более) важны, как кажется, собственноручного изготовления дополнительные экспликации нового переводчика толкований, которые не находят поддержки ни в «историях» псевдо-Нонна, ни в изданных на сегодняшний день разделах комментариев Никиты Ираклийского. Также заслуживает внимания вопрос о греческом источнике тех весьма содержательных глосс («толкований толкований»), которые сопровождают именно перевод XIV в. и которые, как было сказано, в «третьей восточнославянской редакции» в пределах слов 1—8 (точнее, 1—7) вобрала в себя статья «Сказание словесем...», находящаяся в конвое литургического сборника слов Григория Богослова. Что же касается интересующих нас в настоящее время новопереведенных толкований к словам 9 и 10, не дошедших до Руси, то поиск их следов понятным образом ограничивается южнославянскими памятниками письменности. В частности, приводимые ниже параллели со всей определенностью показывают, что опубликованное мной и упоминавшееся уже «Сказание о скверных бозех еллинских», которое известно по сербским спискам XV—XVI вв., основывалось отчасти на новопереведенных толкованиях к слову 10. Хотя не исключено, что в распоряжении составителя Сказания находился также и греческий оригинал толкований, для нас сейчас существенно другое: во всех местах, где сокращенный перевод толкований из «второй» редакции и полный перевод из «третьей южнославянской редакции» содержат различия, текст Сказания неизменно совпадает с чтениями последнего перевода. Особенно многозначительны такие совпадения в тех случаях, когда у чтения «третьей южнославянской редакции» отсутствует греческий эквивалент, как то, например, имеет место (самый репрезентативный случай) в характеристике Осириса и убившего его Тифона, а также в завершающем данный рассказ замечании в духе Евгемера о том, будто упоминаемые божества были древними царями.⁶⁸ Из многих примеров выбираю, как всегда, наиболее выразительные, причем в последнем столбце справа воспроизвожу чтения Сказания, в предпоследнем справа — чтения «третьей южнославянской редакции» (по списку Тихомирова, № 7), в третьем справа — чтения сокращенного перевода толкований из «второй» редакции по Троицкому списку, № 8 с неоговоренными исправлениями по указанным прежде памятникам (приведенные чтения удержаны и «третьей восточнославянской редакцией», в случае отклонений варианты последней даются в скобках под цифрой «3»):

⁶⁸ Ср. соответствующую «историю» у Никиты Ираклийского и псевдо-Нонна, существенно отличающуюся как от версии толкований в «третьей южнославянской редакции», так и от воспроизводящего последнюю текста Сказания: *Nichita din Heracleea. Comentarii...* P. 183; *Pseudo-Nonniani in IV orationes Gregorii Nazianzeni commentarii...* P. 238.

τῆς τῶν θεῶν βασιλείας (Constantinescu, p. 179)	царства	царствия боговъ	от царствиа богов
κατέπιεν (Constantinescu, p. 179)	пожираше	поглиташе	поглитааше
αὐλοὶ δὲ ἤϋλον (Constantinescu, p. 180)	свирели свиряху	писканми пискаху	от писковъ пискающих
ὄθεν καὶ αὐτοὶ ἦσαν (Constantinescu, p. 176)	отнеле же и та беста	въ некоей пещере, отнуду же беху тии	въ пещере некоей
τοῦ Θηβῶν βασιλεύσαντος (Constantinescu, p. 177)	в Фивех царствовавшю	Фивонскаго цара	Фивонскаго цара
ἐψήσας παρέθετο αὐτοῖς (Constantinescu, p. 172)	сварив положи пред ними	испекъ представи темъ	испекъ представи имъ
τῶν ἐξ αὐτοῦ τοῦ αἵματος ἀναδόσεων (Constantinescu, p. 190)	от тоя крове възливания (<i>вариант 3</i> : изливания)	от ударений крови	от ударений крови

Делаем закономерный вывод, что составляющие органическую часть «третьей южнославянской редакции» толкования к слову 10 в не дошедшем до Руси повторном их переводе нашли на славянском юге внимательных читателей. К аналогичному выводу, на сей раз уже применительно к толкованиям на два слова — слова 9 и 10, мы придем, обратившись к л. 1—7 рукописи Син. 35, которые и послужили толчком для настоящих разысканий по истории славянской рецепции гомилий Григория Богослова. Прежде чем задаться вопросом, каков смысл тех касающихся античности, прежде всего древней мифологии, эксцерптов, которые составляют содержание начальных листов Синодальной рукописи, представим доказательства их вторичности относительно полного перевода толкований к словам 9 и 10 в составе «третьей южнославянской редакции». Для этого выберем разночтения, в которых перевод толкований в «третьей южнославянской редакции» точно следует за греческим, а эксцерпты на л. 1—7 Синодальной рукописи дают тот же перевод, но с девиацией, выдающей их зависимость от сборников с «третьей южнославянской редакцией». Чаще всего — это обыкновенные пропуски или добавки, иной раз — возможно, сознательные, но не влияющие на смысл, а иногда мы встречаем довольно серьезные ошибки или неэквивалентные замены. Изъятие больших отрезков текста, собственные интерполяции книжника в перевод, интерполяции, вводящие читателя в курс дела по поводу некоторых из мифологических сюжетов, дополнительные (относительно греческого оригинала) сведения о мифологических героях составителя эксцерптов — словом, все, что может быть связано с локальными задачами монтажа отрывков в Син. 35 (об этих задачах см. ниже), стараюсь не учитывать.⁶⁹ В третьем столбце даны варианты эксцерптов, во вто-

⁶⁹ В одном случае — в рассказе о начале фаллического культа, когда собиратель эксцерптов исключил из своего источника фразу, одновременно отсутствующую и в грече-

ром столбце — варианты «третьей южнославянской редакции» по рукописи Тихомирова, № 7:

ὡςπερ γὰρ συμμετέσχε καὶ τοῦ φθόνου (Constantinescu, p. 185)	яко же съпричестова и уби́йству	яко же и убийству
ἀσφοδελὸν λειμῶνα προσάγο- ρεύσαντες (Constantinescu, p. 179)	асфоделский овощникъ нарекше	асфоделскы цветъ име- новавше
ἀνέβη ἐπὶ βωμὸν, ἤγουν ἐν ὕψηλῳ τόπῳ (Constantinescu, p. 195)	възиде на требище, рек- ше на високо место	взыде на високо место
ἐπὶ πᾶσαν γῆν (Constantinescu, p. 176)	по всей земли	—
ἐορτάζειν ταῦτα πάντα κατὰ μίαν τῶν νυκτῶν (Constanti- nescu, p. 176)	праздновати та всегда въ годище единуци	празновати та всегда въ годищи еднуци едину нощь
οὐδὲ μὴρὸς τοῦ Διὸς ὀδίνων καὶ ἐγκυμονῶν τὸν Διόνυσον, ἔστι ἀτελὲς ὄντα κύημα (Constantinescu, p. 177)	ниже есть стегно Диово, болезнующее и раждаю- ще Диониса, еже не- свършенное рогение	ниже
Πρόσυμος τοῦνομα (Constan- tinescu, p. 171)	Просемнось именемъ	Просемнос зовомъ
ἀνδρείας ἐπίδειξιν ποιούμε- νοι καὶ συνεπιζόμενοι ταῖς πληγαῖς, ἵνα καὶ τὸν ἐν πολέμοις δῆθεν τραυμάτων καταφρονητικῶς ἔχωσι (Con- stantinescu, p. 186)	мужьствьный твореще се и обичуше се въ ра- нахъ, да небрегутъ и еже въ бранехъ о ранахъ	и обучачаху се въ ра- нахъ, да о сих небрегутъ въ бранехъ
ἔχειν ὄμον ἐλεφάντινον (Constantinescu, p. 172)	имають рамо слоново	имають рамо слоново и покланяют се
ὡς ἀπρεπῆ θεοῖς καὶ ἀνάρ- μοττον (Constantinescu, p. 173)	яко неподобно и непри- кладно	яко неподобно

Если отбросить как маловероятное предположение, что создатели «третьей южнославянской редакции» несколько раз подряд выверяли свою работу по оригиналу и что каждый из этапов их работы распространялся в списках независимо от следующего, представленные разночтения вполне определенно свидетельствуют о том, что эксцерпты делались из уже существующего перевода. Еще одним аргументом в пользу такой последова-

ском оригинале (см. в нашей публикации примеч. 146), можно было бы думать, что он консультировался по оригиналу. Однако эта фраза на самом деле лишняя, она дублирует то, что было сказано на пару строк раньше. Полагаю, что такая чистка в коллекции эксцерптов могла быть проведена независимо от чтений оригинала.

тельности возникновения текстов может служить судьба двух глосс в составе эксцерптов — из числа тех, которые сопровождают толкования Никиты Ираклийского в «третьей южнославянской редакции» («толкований толкований»). В то время как одна из этих глосс, напротив рассказа о рождении Зевса, удержалась на полях Син. 35, л. 5 («Диа и Зевс едино»; ср. в рукописи Тихомирова, № 7, глосса на л. 192 об.: «Дия и Зевсь едино есть», ср. другой ее вариант на л. 141: «Диось и Зевсь едино е»), другая — о сошествии в Аид Ореста вслед за его другом Пиладом — внесена в основной текст и растворилась в составе эксцерптов — Син. 35, л. 3 об. («Толику убо между собою имаху любовь, яко и умьршу Пиладу сънити же Оресту съ нимь даже до Ада»; ср. в рукописи Тихомирова, № 7, глосса на л. 153 об.: «Орестъ же съи толику, глаголють, имеше любовь къ Пиладу и Пиладь къ Оресту, яко и умьршу Пиладу сънити Оресту съ нимь даже до Ада»). Факультативный статус этого рассказа именно в качестве глоссы удостоверяется тем, что он входит в традиционный набор дополнительных объяснений («толкований толкований»), сопровождающих «третью южнославянскую редакцию» во всех списках, соответствуя прочим глоссам и по смысловым параметрам. У глоссы об Оресте и Пиладе (в отличие от прочих глосс «третьей южнославянской редакции») есть, кроме того, свой конкретный источник («Истории» псевдо-Нонна⁷⁰), и гораздо легче предположить, что глосса проникла в основной текст Син. 35 с полей рукописи-источника, нежели то, что она была извлечена из этого текста и помещена в других рукописях на поля, немислимым способом приблизившись при этом к чтениям в «Историях» псевдо-Нонна.

Таким образом, вторичность эксцерптов в Син. 35 относительно «третьей южнославянской редакции» сборника слов Григория Богослова можно считать более или менее установленной. Одновременно оказывается несостоятельным один из предлагавшихся мной прежде вариантов в объяснение того, что побудило книжника коллекционировать эксцерпты, будто бы сохранившие остаток архива древнего переводчика.⁷¹ Будто на л. 1—7 Синодальной рукописи находятся тексты, которыми переводчик или редактор намеревался дополнить сокращенные толкования из «второй» редакции сборника. Как было сказано, сама мысль о «дополнительном» характере нового южнославянского перевода толкований Никиты Ираклийского кажется мне теперь искусственной, этот перевод правильнее считать вполне самостоятельным памятником. С другой стороны, сделав такой вывод, мы сталкиваемся с весьма серьезным вопросом, касающимся интерпретации начальных листов Син. 35. Это вопрос о мотивах, по которым не известный по имени сербский книжник взялся из толкований к двум гомилиям Григория Богослова (Надгробного слова Василию Великому и Слова на Богоявление) выбирать фрагменты, касающиеся античной мифологии, а отчасти и античной культуры в целом. Едва ли перед нами плоды праздной любознательности, вообще средневековым писателям не свойственной.

⁷⁰ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 161 (здесь неправильно постулируется обратная зависимость текстов, то есть происхождение глоссы на полях в списках «третьей южнославянской редакции» от фрагмента в Син. 35); Бруни А. М. Theologos. С. 202—204.

⁷¹ Буланин Д. М. Текстологические и библиографические арабески. III. К спорам... С. 474—476.

Полагаю, что ответить на поставленный вопрос мы сможем, если будем рассматривать начальные листы Синодальной рукописи в совокупности со следующим дальше списком «Шестоднева» Иоанна Экзарха. Правда, объяснить, при каких обстоятельствах использующие сербскую орфографию л. 1—7 соединились с начинающимся на л. 8 среднеболгарским списком «Шестоднева», я пока не в состоянии. Между прочим, поскольку в эксцерптах на л. 1—7 недостает начала, вероятно, в этом автономном фрагменте нынешнему л. 1 предшествовал еще один, утраченный — следовательно, автономной была целая тетрадь из восьми листов. Перемещение тетрадей — технически более простая операция, нежели перемещение отдельных вырванных листов. Тетрадь была извлечена из материнской сербской рукописи механически: поскольку обрыв собрания эксцерптов на л. 6 об. никак не мотивирован и не маркирован; ясно, что в этой материнской рукописи находились и другие эксцерпты, располагавшиеся на очередном — девятом листе, который относился уже к следующей тетради, а потому остался на прежнем месте. В результате чего для нас он оказался утрачен. Правильны мои расчеты или нет, считаю весьма вероятным, что тетрадь, то есть первые семь (восемь) листов, по какой-то причине отделились от некоего сербского списка «Шестоднева», до нас не дошедшего, который был заменен на имевшийся под рукой список с болгарской орфографией. Итогом этой процедуры и стал кодекс-конволют Син. 35. Разумеется, сказанное — всего лишь догадка, которую предлагаю за отсутствием более убедительного объяснения замены сербской части на болгарскую, или наоборот. Гадать о причинах такой замены — дело бесплодное, для предлагаемых дальше рассуждений существенно лишь то, что фрагменты на л. 1—7 изначально имели в виду подкрепить авторитетом Григория Богослова, чьи проповеди комментировались во фрагментах, содержание «Шестоднева» Иоанна Экзарха. В обоснование своего построения позволю себе привести два аргумента. Первый. Книга Иоанна Экзарха, как и любой другой «Шестоднев», имеет полемическую направленность. Несмотря на внимательное отношение составителя к разным античным космогоническим, космологическим и антропологическим концепциям,⁷² цель автора не вызывает сомнения. Она заключается в том, чтобы противопоставить ошибочным взглядам корифеев древней натурфилософии как единственно истинный библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней словом Божиим. Нужно при этом не забывать, что средневековому книжнику чуждо было представление об относительности всякого человеческого знания. То, что не соответствовало единственно правильной библейской картине мира, по определению оказывалось лживым — либо по причине лживости самого автора (и тогда уже без стеснения к нему адресовались *argumenta ad personam*), либо как результат хитроумной проделки лукавого, подменяющего истинные ценности мнимыми. Эти последние суть выдумки или, в терминологии наших предков, «басни» — те самые античные мифы, которыми прославились древние гре-

⁷² На эту тему существует довольно обширная литература. См., например, главу «Христианская и античная традиция в Шестодневе: Характер взаимодействия» в кн.: Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 39—80 (Памятники древнерусской мысли: Исследования и тексты. Вып. 2).

ки. Соответственно, будучи концентрированы в предваряющих «Шестоднев» эксцерптах из толкований Никиты Ираклийского, мифологические сюжеты дополнительно акцентировали внимание читателя на легковёрности язычников, не просвещенных светом Божественного откровения, и живописали (в комментариях к Слову на Богоявление) нелепые и противоестественные культы древних. Иными словами, тексты на л. 1—7 служили своеобразной «увертурой» к полемике, подробно развитой на страницах «Шестоднева».

Второй мой аргумент связан с атрибуцией «Шестоднева», составителем которого выступил Иоанн Экзарх. Хотя его творение представляет собой сложный конструктор, собранный из различных источников и основательно переработанный самим автором, главным строительным материалом для писателя послужил «Шестоднев» Василия Великого. Знаменитый отец Церкви, в соответствии с законами жанра демонстрируя на протяжении всего произведения присутствие Творца за сотворенным миром, без экивоков отвергает как античную натурфилософию, так и манихейское учение, вопреки которому зло не признается святителем самостоятельной субстанцией.⁷³ Что знали наши древние книжники об источниках книги Иоанна Экзарха? — В славянской письменности его «Шестоднев» не имел твердо закрепленного за памятником заголовка, но из имен авторитетных отцов в заглавии, как правило, упоминались имена Василия Великого и Иоанна Златоуста. Василий Великий — на первом месте.⁷⁴ Приведем в подтверждение начало заголовка в старшем списке памятника 1263 г. ГИМ, Синодальное собр., № 345: «Шестодневъ, съписано Иоанномъ презвитеромъ Екзархомъ отъ святаго Василия, Иоанна (т. е. Иоанна Златоуста), Севирияна (т. е. Севериана Гавальского) и Аристателе (т. е. Аристотеля)...».⁷⁵ Аналогичным образом по значительности его вклада в текст памятника пальма первенства тоже отдается Василию Великому в вынесенном за структуру собственно «Шестоднева» предисловии составителя: «Господи мои! Не о(т) себе мы есмъ составили, нъ ово отъ Ексамера светааго Василия истовая словеса, ово же и разумы отъ него въземлюще, такожде и отъ Иоанна, а другое отъ другихъ...».⁷⁶ Замечательно, что и в самой рассматриваемой нами ныне Синодальной рукописи, над открывающей «Шестоднев» цветной заставкой, надписано кинноварью: «Ексаимеръ святаго и великаго Василиа» (Син. 35, л. 8). Принимая в расчет сказанное, не вполне беспочвенным будет предположение, что книжник, который выбирал фрагменты из двух слов Григория Богослова, мыслил их как «увертюру» к «Шестодневу», автором которого он почитал

⁷³ См. краткую характеристику «Шестоднева» Василия Великого и перечень главнейшей об этом произведении научной литературы: *Quasten J. Patrology. Vol. 3 : The Golden Age of Greek Patristic Literature : From the Council of Nicaea to the Council of Chalcedon.* Westminster; Maryland, 1986. P. 216—218.

⁷⁴ Баранкова Г. С. Шестодневы повествовательные // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 167.

⁷⁵ Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом Болгарским : По харатеиному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года, слово в слово и буква в букву / Изд. О. М. Бодянский. М., 1879. Л. 7 (с. 1) (ЧОИДР. 1879. Кн. 3).

⁷⁶ Там же. Л. 6.

Василия Великого.⁷⁷ Кстати, на его книгу «Шестоднев» Григорий Богослов сам ссылается прямо в тексте Надгробного слова: «Когда я держу в руках его „Шестоднев“ и произношу его вслух, тогда я соединяюсь с Творцом, постигаю законы творения и дивлюсь Творцу более, нежели прежде, когда я извлекал пользу для себя с помощью одного только зрения».⁷⁸ Таким образом, убийственная сила рассуждений одного великого каппадокийца подкреплялась цветами красноречия — «примерами» (*exempla*), украшавшими образцы ораторского искусства другого великого каппадокийца. Согласившись с этим моим доводом, мы поймем, почему «увертюру» открывают фрагменты из толкований к Надгробному слову Василию Великому, которое составил его друг из Назианза в качестве посмертного приношения своему соученику по Афинской Академии. Ибо основной пафос Надгробного слова, которое числится среди важнейших документов о биографии умершего, заключается в прославлении учености Великого Василия, глубины его познаний в языческих науках, которые однако не могли его отвлечь от стези благочестия. Насыщая свое Надгробное слово аллюзиями, отсылающими к античным преданиям, проповедник как бы погружал слушателей в атмосферу, которая составляла часть духовной жизни его героя. Не забудем, что именно Василию Великому принадлежит знаменитая гомилия «К юношам о том, как пользоваться эллинскими сочинениями» (впрочем, не перешедшая в славянскую письменность). Усмотрев в фрагментах Синодальной рукописи связь с репутацией Василия Великого как одновременно знатока эллинской мудрости и блюстителя чистоты христианства, мы поймем, между прочим, почему, помимо собственно мифологических реминисценций, в фрагменты попали толкования Никиты Ираклийского к экзорцизму Надгробного слова, выдержка из Послания Василия Великого Григорию Богослову (письмо 67/71), которую приводит в своих комментариях тот же Никита, наконец, замечания толковника о древних мудрецах — Кратесе Фивейском и Диогене Синопском, отказавшихся от земного богатства, подобно тому как поступил герой Надгробного слова. Полагаю, что вторая часть фрагментов — тех, которые взяты из толкований к Слову на Богоявление и касаются языческих суеверий, включена была в текст как тематическое дополнение к фрагментам, извлеченным из Надгробного слова. Генерировать такое дополнение не представляло особого труда, потому что касающиеся античной древности сюжеты шли в Слове на Богоявление (соответственно и в толкованиях к нему) сплошным блоком (в отличие от Надгробного слова, где они рассеяны по всей гомилии, — между прочим, самой пространной в сборнике «читаемых слов»).

В приложении к статье я предлагаю публикацию текста, находящегося на начальных листах Синодальной рукописи, с элементами реконструкции. Беда в том, что в выдержках из толкований Никиты Ираклийского, распола-

⁷⁷ Идею о смысловой перекличке фрагментов на л. 1—7 со следующим далее «Шестодневом» высказывал уже Н. И. Зубов (Текстологические замечания... С. 59).

⁷⁸ *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Ed. J. P. Migne. Parisiis, 1858. Vol. 36. Col. 585. Ср. в «третьей южнославянской редакции»: «Вьнегда Шестодневную его книгу приємлю и языкомъ ношу, съ Зиждителямъ бываю, и разумеваю твари словеса, и дивлю се Зиждителю вѣще, нежели прѣвее, видомъ единымъ учителя имый» (собр. Тихомирова, № 7, л. 181).

гающихся на первых семи листах кодекса, не только поменялись местами л. 6 и 7, но также недостает начала и окончания текста. При реконструкции я принимаю в расчет изложенные сейчас соображения о мотивах, которые, как я считаю, побудили сербского книжника составлять монтаж из фрагментов, касающихся античных мотивов. Соответственно я полагаю, а) что утраченное Синодальной рукописью начало включало толкования Никиты Ираклийского, комментирующие Надгробное слово, с самого их начала; б) что утраченное Синодальной рукописью окончание завершалось теми толкованиями Никиты Ираклийского к Слову на Богоявление, которые объясняли многообразие древних культов. Кроме того, восполняю утраченные на имеющихся в рукописи семи листах отрезки текста, равно как и буквы на краю этих листов, которые глубоко вшиты в переплет кодекса. Для реконструкции использую перевод толкований из «третьей южнославянской редакции» по Тихомировскому списку Иова (реконструированные части текста заключены в квадратные скобки; все примечания к Синодальному списку помещены внутри публикуемого текста в фигурных скобках; во взятых из Тихомировского списка больших отрезках утраченного текста орфография списка сохраняется неприкосновенной, при реконструкции частей слов или букв по возможности соблюдаются орфографические нормы, принятые собирателем эксцерптов в Синодальной рукописи). По тому же Тихомировскому списку приведены разночтения к эксцерптам. Знаки препинания составлены по современным правилам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основной список: ГИМ, Синодальное собр., № 35, л. 1—5 об., 7—7 об., 6—6 об.

Исправления: ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 7, л. 138 об.—189 (Надгробное слово Василию Великому с толкованиями Никиты Ираклийского), л. 189 об.—207 (Слово на Богоявление с толкованиями Никиты Ираклийского).

Разночтения: ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 7, л. 138 об.—189 (Надгробное слово Василию Великому с толкованиями Никиты Ираклийского), л. 189 об.—207 (Слово на Богоявление с толкованиями Никиты Ираклийского).

[Стрѣлѣнаго и плачевнаго залога и скръвнаго ꙗ знаменик, ꙗже хотѣше. Сирѣчь тако прѣлежаше оубо и сик (многык во мнѣ в словописани оучении вещи прѣлагаше Великыи Василик, егѡ живъ бѣше, иво люблѣше, да азъ пишоу слова и оучениа, и свѣтлѣше се моими словеси, тако ни кдинь кто своими), прѣлежаше, рекше хотѣше, и нѣта скончав се себе мнѣ прѣположити вещь — троудъ великоу и вѣдомоу всѣмъ, иже в словописани тѣщещим се. Непшою бо, аще кто искоушаки свою къ словописанию слоу, потом же разоумѣти тоу вьсхощеть въ ꙗже изъмѣрити тоу прѣмо нѣкоки вещи различнык прѣдложивъ вещи, кдиноу же ѿ всѣхъ прикъмь внь, иже кто любо да ꙗ — тоу оубо, иже в Великомъ Василии вещь извадитъ внь и вставитъ,

такъ великою и всако слово повѣжающею. Иною же вещей приметъ, мнещою ю се пръвоюю и болшоюю. Хотен бо похвалити стѣик, да приметъ все похвали и оумьслитъ, нь кже в стѣомъ Васили похвала да ѿложитъ ю вьнѣ инѣхъ похвалъ. Немоцино бо по достоиннию Василиа похвалити. Ѿ иныхъ же похвалъ кдиноу болшоюю да прѣиметь вь кже похвалити кого, а в стѣомъ Василиа да встави], // тако не могѣще оупѣвити се еи.¹ Сицеву дѣло ѣ еже похвалити стѣго Василиа не тъкмо мнѣ таково² дѣло ѣ в похвалени того, иже ѿ мнѣга³ врѣмена разрѣши еже вь словесѣхъ любочтне,⁴ рекше встави писати слова и похвалы, нь и всѣмъ, иже житіе⁵ словѣписаніа все имоутъ и в семь тъкмо тыщет се, еже слово писати и ѿ сего оудивлаеми быти. ~

Сице, глеть Бгословъ, имамъ и сице помышляю в стѣомъ Васили, тако высвчаниши ѣ всакаго похваленіа. Не вѣм же, гдѣ индѣ или вь что ино потрѣвоюю словеса похваленіа, не ннѣ потрѣвовавъ⁶ вь похваленіе стѣго Василиа, ниже вѣмъ, юже что сътвори ино и себѣ да дарю, и любоводородѣтельны, и симъ словесемъ, развѣ сего похваливъ. Удобраемъ же семъ трѣ добрѣнша вѣдѣтъ. Едино ѣбо, тако ѿ мене дльжнаа похвала стѣмъ⁷ ѿдаст се, ибо похвалное словъ дльжно ѣ блгымъ на похвалѣ и по инѣ добродѣтеле и по еже словесѣхъ ѣ. Второ же, тако е[же в стѣо]мъ Васили слово и в нѣмъ любоводородѣтельны[мъ], глѣю, [сладость ѣ]: «Похвалаемъ праведникою веселет се люде» {Прит. 29, 2}; и не тъкмо [сладость, нь] и подвиженіе къ добродѣтели.⁸ Ихъ же бо вещей боутъ [похвале, снѣ] вѣмъ, тако придають добродѣтели прѣоуспѣвають,⁹ [ни на едином] бо ѿ всачьскы нѣсть, еже не всѣхъ приданіе бывати ѿ еже хв[алити]. Третіе, тако и словеса ѿ обоюдѣ {далее зачеркнуто: похваление} прослав[ет се, аще до]стигнѣтъ или аще повѣдет се, аще оубо близъ приидѣтъ[ь достоиннѣ] стѣго прославет се, тако свою ѣ показавше силѣ, аще ли же [много до]стоаннѣ встанѣтъ, дѣломъ покажѣтъ, тако не възмог[оше достици по до]стоаннию похвалити. Еже словесы исповѣдати [и вьвчани вѣ, тако лоу]чьшага] всакаго слова соутъ стѣго исправл[книа], и сего раи [и сама та] словеса по]хвалающага снѣ повѣдет се. Добродѣтел бо ѣ похвалникою казати¹⁰ слова болша хвалимаго.¹¹ Юже [м]ѣ приведош[е, глѣтъ, вь

¹ внои.

² сиково.

³ Доб. оуже.

⁴ любочтнѣ.

⁵ Доб. и.

⁶ Доб. снѣ.

⁷ томоу.

⁸ вь добродѣтель, добродѣтель бо похвалима по рекшомоу тако дрѣво възрастоуѣтъ (ср.: Пс. 1, 3).

⁹ и прооуспѣвають.

¹⁰ кже показати.

¹¹ хвалимага.

кже // писа]ти нагровное сие слово сиа съть трї — еже даровати и се- л. 1 об.
вѣ, и любоводвордѣтельнымь, и словесемь. ~

Омирь, елинь сы, съписа высочаншага же въ нѣ писанїа, тѣм же нѣкыи именѣ ирвини сырѣчь исползбожныи нѣкыи мѣжи. Ѡ них же съть¹² Пелопиде,¹³ и Кекропиде, и Алкмеоне, Еакиде же,¹⁴ и¹⁵ Ираклиде. И¹⁶ Пелопъ оубо¹⁷ снѣ въ Тантала,¹⁸ цѣра Фригїискаго. Тантал же цѣрь бранѣ имѣше съ Иломъ, съзавши Илївнъ, рекше Трою. И бое се повѣжденїа, повелѣ снѣоу своемъ Пелопѣу ѡити въ ипиронъ съ имѣнїемъ, рекъ: «Аще оубѣ повѣждѣ, възврати се паки въ Фригїю, аще ли же повѣжень бѣдѣ, прѣбываи въ Еуропии». Възъмъ ѡбо Пелопъ имѣнїа, прииде въ Елладѣ въ Апию, весь тако глѣмъ,¹⁹ ею же цѣртоваше Иноман, имѣе дѣщеръ Ипподамию. Его же въ подвижѣ колесничнѣмъ повѣдивъ, Пелопъ възетъ себѣ женѣ Ипподамию и ѡдръжавъ страну тѣ, вѣмѣсто Апиие нарѣе ю Пелопонисъ. вси оубо иже ѡ него наричюут се Пелопиде, рекше Атревсъ, Фїестисъ, Агамемнонь, Менелав[съ] и послѣдны Ворестъ. И сиа ѡбо ѡ Пелопїдѣхъ.

Кекропъ же цѣрь бѣ въ Аѣинѣхъ, иже велми Аѣинскѣ странѣ ѡкра- си. Нарцааше же се двогласнъ, тако два гласа бѣ извикалъ, еллинскы и егѣптскы. Глѣ бо се, тако аѣинѣи²⁰ прѣшлѣци²¹ вѣхѣ изъ Егѣпта ѡ Гаеа градѣ. Наставник же и вождѣ [прѣ]шлѣства ихъ съ Кекропѣ бѣ. Имѣе же егѣптскы глѣ, на[оучи и] еллинскы. Да иже ѡ сего съходящеи Кекропиде глѣхѣ²² се. ~

[Алкмеон же] нарочитъ бѣ зѣло, аѣинеанинь родомъ. Мѣчи[моу ж]е градѣ Аѣинѣнскомъ ѡ Писистрата, и²³ хѣте оустри[ти] свѣбодѣ аѣинемъ,²⁴ ѡнде въ Делфи, вѣлшебствѣе [и искоу]пивъ стїлице Аполонѣвѣ,²⁵ имѣше ѡ²⁶ себѣ вса и все Апо//лонове слѣжителеи. Пови- л. 2
нѣ Аполонѣвѣ стїлице, да аще придетъ нѣкогѣ лакедемонскы цѣрь вѣлшебствѣвати, ничто же ино да глѣють²⁷ емъ, тѣчию,²⁸ тако «Да сво- бодиши Аѣинѣи, глѣть намъ²⁹ богъ». Семъ ѡбо начестѣ вѣвшѣ,

12 Нет, начиная со слова Омирь.

13 нѣкык.

14 Нет.

15 Нет.

16 Нет.

17 Нет.

18 Танталовъ.

19 нарицаемоу.

20 аѣинѣане.

21 прѣшлѣници.

22 именованоу.

23 Нет.

24 аѣинѣаномъ.

25 Доб. и.

26 вѣ.

27 глѣть.

28 развѣ.

29 вамъ.

оустръмише се лакедемоняне и є въ Аѳинѣ моученіе и насиліе разрѣшише. Великоу ѹбо славоу възьма ѿсоу Алкмеонъ, свободивъ прѣмоудростню Аѳины. ~

Ѣакос же³⁰ снѣ быти глѣт се Діевъ, праведнѣ зѣло. Тѣм же нѣкогда бездѣжню бѣвшоу въ Ѣладѣ, придоше къ немѹ прѣстателе ѿ градовъ, моляше се помолити се своемѹ ѿцу, да боудеть дѣжъ. Он же, ставъ и помолив се, разрѣши соушоу, и съниде вода, нападаюци Ѣладѹ. Паче оубо и ѿсоу показа се бл҃гочѣстіе Ѣаково. Съ ражають два сѣна Пилеа и Теламона, и же ѹбо Пилевъ ражають Ахілеа, Теламонъ же Ѣанда, иже нарицахѹ се Ѣакиде, дѣднюю честь ѿсѹдѹ наслѣдѹюще. ~

Ракли же глѣт се и тѣ снѣ быти Діевъ.³¹ Зевсъ бо въ сѣ Алкминою, ѹповив се мѣжѹ єе Амфитрїонѹ, и роди Ираклеа, иже и великы подвигы³² сѣтвори. Мнѹзи бо оубо выше ѿ Раклеа, ѿ них же прѣвы и славны Ѹль,³³ ѿ него же³⁴ вси лакедемонсци црѣе Ираклиде глахоу се. И просто: еллины, не имѹще что ѿ свой гавленно рещи и похвалити се, в то прѣвѣгають на³⁵ негавленное и безвѣстное и въ басны. ~

Артемию глѹть еллины на ловленіе и³⁶ стрѣланїа быти бл҃гоискоусноу³⁷ и ѹгажателноу, того раѣ тако стрѣлающею елене непогрѣшнѹ «елѣнострѣлицѹ» тоу нарицахоу и вога тѣ имѣхоу. Врїонъ же и Актенъ члци ловци бѣхѹ, на них же разгнѣвавши се Артемїа, Врїона³⁸ тако възелѣвши тон ѿ скорпїа ѹстрои оубиеноу быти, тѣм же є на нѣси, тако³⁹ бани глѹть, сѣ // скорпиеню. Актенна же тако нагѹ тоу видѣвши⁴⁰ ѿ свой сѣтвори растрыгнѹти се пьсь. Сего раѣ и «зловѣсни» сѣ наре Бг҃ословъ.

А таже в аѳинѣ повѣсть и в дѣвци сѣа є. Єгда ѿ Ѣлады ѿплѹтне еллиномъ⁴¹ бѣ на Трою, тогда дѣци Агамемнонова Ифигенїа въ Авлидѣ вїѹтїе въ жрѣтвѹ ѿдана въ Артемидѣ. Артемїа же дѣвцѹ помлѹвавши, дастъ ѹбо вмѣсто тоє алнию на жрѣтвѹ. Онѹ же всхытивши, тауромъ въ Скїѳїю ѿводитъ, иже и свѣтилище⁴² Артемидино ѹстроивше, странные ѹбивати наѹчише⁴³ и члкы жрѣти тон. ~

³⁰ А оубо же Ѣакось.

³¹ Глосса на поле: Дїосъ и Зевсъ кдино к.

³² Доб. ѿне.

³³ Илъ.

³⁴ Доб. и.

³⁵ въ.

³⁶ Нет.

³⁷ Бл҃гоискоу.

³⁸ Доб. оубо.

³⁹ тако.

⁴⁰ Доб. неправедно же бѣ вога нага видѣти.

⁴¹ еллинско.

⁴² Доб. тоу.

⁴³ Доб. сѣ.

Ахилевсь, глѹть, наказоваше се ловыць быти⁴⁴ ѿ нѣкаторааго коне кентавра, именѹемаго Хіронна, его же оубо горнаа честь члѹа бѣше, долнаа же конска, иже живѣше въ пещерѣ нѣкоен въ горѣ Пилии Феталинскыѣ.⁴⁵ Възьмь Ахилеа и посадивь на конскон чести, оучаше того стрѣлати и убивати заеце и алничица. Питаше же его не млѣкомь, нь мозгови елениими и львовскыми,⁴⁶ тако васнь глеть. Того ра⁴⁷ и Ахилевсь именована се, за еже не привѣстити се въщон пици и вътычнон, «хѣлос» во глет се пица. Бываше же Ахилевсѹ тѣже и єдинь жрѣвѣць, тако конь ѹбо, поне⁴⁸ въсѣдаше на нь, и⁴⁹ тако ѹчитель,⁵⁰ поне же ѹчаше се ѿ него. Не оуже⁵¹ тако⁵² и великы⁵³ Василяѣ. ~

Гугась пастырѣ бѣ и пасе въце,⁵⁴ върѣте погревена конна мѣдѣна, въ том же кони върѣте⁵⁵ мрътва члѹка, носеца прѣстѣнь. И възь тѣ прѣстѣнь, имаше и, и егда върацааше главѹ прѣстена, бываше невидимь, егда же ли⁵⁶ впетѣ врацааше, пакы бывааше явленъ тѣ сѹщимь. Бѣше же та гла⁵⁷ върацающа се. Имѣе ѹбо съ прѣстѣнь, прїиде въ црѣтво Андско, и обративъ главѹ прѣстѣна, и бивъ невидимь, и възь, ѹби цра Лоудьскаго и взеть црѣтво. // Ирѣт же инако повѣдѣеть⁵⁸ таже въ Гугу, тако повелѣнїемъ црѣце Гуга ѹби Кандавла цра и въщри се. ~

Мида же реша фриганї црѣтвовавша, толико быти златолюбивѣшиа, тако помлїти се, всемѹ, емѹ же аще коснет се, быти злато. ѹслышанъ бивъ ѹбо, и гаси не възмогъ, за еже брашно⁵⁹ и питишмь, их же прикасате се, быти злато, гладемъ растли се. ~

Аварина же глѹть сѣверника сѹца, еззыкъ же прѣсѣвернѣши⁵⁹ скѹѣень прѣсѣверны є. Глѹть того мьздѣ ра⁶⁰ работати Аполонови и стрѣлѹ ѿ того приети, и сню дрьже, въходити Еладѹ, и тою въаанїа творити и проренїа подавати. Инн⁶¹ же рѣше, тако сню стрѣлѹ послае по въздѹхѹ, съввношаше се съ нею. ~

44 Вместо этого, начиная от слова Ахилевсь: Юко же Ахилевсь.

45 Фетталинск.

46 львовы.

47 по кже.

48 Нет.

49 Доб. же.

50 по кже.

51 оубо.

52 таковыимь.

53 бжѣствьныи.

54 Нет.

55 вьноутрь.

56 Доб. ли.

57 Доб. прѣстеноу.

58 повѣствоукѣт.

59 Доб. и вьноутрьнѣши.

60 изъ мьзде.

61 Швы.

Пигаса же, баснословеть, коня быти крилата и даровати се ѿ
 Аѳинъ ВелѣрефѸ, на нем же⁶² гадѣ, шнѣ по въздѸхѸ ношаше се. ~

Глѹть⁶³ же,⁶⁴ тако Аѳѳа, таже въ Пелопонисѣ Аркадисцѣмъ {далее
 зачеркнуто: рѣка} градѣ рѣка, възжелѣвши иже въ Сикелии источникѸ
 ДреѸсѸ, проходить пѸчинѸ и издавает се въ нь, ничесо же въ сла-
 дость врѣдещи се ѿ сланости морскыѣ.

Рѣше же ѿ саламандрѣ, животно нѣкоторѣмъ, сръни величество
 имѹщемъ, тако естество иматъ по прѣоумножению мокротно и стѸдѣ-
 но. Яко и въ всепадающи ѿгнь выпадшѸ, скачетъ и играетъ, и шно
 Ѹбо неврѣдимо бываетъ, ѿгнь же паче погашает се. ~

Лѹдскыѣ, глѹть, колѣсници скоры быти.⁶⁵ ПелѸшь бо, рѣ, лѹдѣнинъ
 любопрѣнїе сѣтворивъ съ тестомъ своимъ Иномеемъ, на колесници
 много шного прѣминѸ. ~

Молишниде {имя добавлено в выборке} близнѣци Ѹбо⁶⁶ вѣхѸ и по тѣ-
 лесный,⁶⁷ и по⁶⁸ хытростѣ.⁶⁹ Въ Ѹбо Ѹзды, ѿв же быче раздѣлающе,
 и повѣдѸ дрѸгѸ дрѸгѸ съспѣшающе, именито бо ѿ еллинъ любопрѣ-
 мѸдрїе сѣ. ~

л. 3 об. **Врест** же⁷⁰ и Пиладъ ѿдалече сьродници вѣхѸ. Съспѣши бо Пи-
 ладъ ѸрестѸ ѸбившомѸ свою матеръ КлитемистрѸ, тако ѸбившѸ то-
 го ва ѿца, своего мѸжа, Агамемнона и прѣлюбовдѣиствѸемѸ ѿ ЕгѸсѸа.
 И понѣ иже оубиенныѣ сьродни повинѸше градъ Ѹбити Ореста, тако
 матерѣ оубициѸ, не побѣже припатель его Пиладъ, нь сѣтрѣпѣ при-
 честити се томѸ и нѸже, тако же и⁷¹ ѸбиинствѸ того матерѣ. ѸсѸдѸ
 Ѹбо и славѸ великѸ приеть. ТоликѸ Ѹбо межѸ сѿвою имахѸ
 любовь, тако и ѸмрѸшѸ ПиладѸ, сьнити же ВрестѸ съ нимъ даже до
 Ада.⁷² ~

Молишниде же вратиа вѣхѸ. ПрослѸтѣхъ же тѣхъ створи, еже
 въврѸжати се добрѣ и гадити изещнѣ. И швомѸ Ѹбо колеснѣци быти,
 швомѸ же конѣ бычемъ быти, тако шпасно и тврьдо, тако единомѸ
 мнѣти се двѣма и близнѣцема, сьрѣчь сьрасленима. Нь Шмиръ оубо
 Акторишнѣ сѣ нарѣ ѿ ѿца, Бгослов же Молишниде ѿ мѣтре, дѣти бо
 вѣхѸ Акторови и Молишниди. Глет же въ Шмирѣ ПѸліанинъ старьць

⁶² Доб. и.

⁶³ Нет.

⁶⁴ Нет.

⁶⁵ Скорык бо соутъ людскык колеснице.

⁶⁶ бо.

⁶⁷ тѣлесехъ.

⁶⁸ Нет.

⁶⁹ хытрости.

⁷⁰ оубо.

⁷¹ Доб. съпричествова.

⁷² Вместо последней фразы глосса: Врестъ же съ толикоу глѹть имѣше любовь къ ПиладѸ и Пиладъ къ ВрестѸ, тако и оумрѸшоу ПиладѸ, сьнити ВрестѸ съ нимъ даже до Ада.

Несторъ, похвалмае сѣ, тако единѣми конми тѣкмо мене оуминовахъ
Акторнане. ~

Омиръ ѹбо еже дышыша вгнѣ силѹ в Патарѣнско^ѣ рѣ Хѣмарѣ,
трѣсѣставномъ звѣри. Спрѣ^ѣ во вѣше лвъ, създи же змѣи, посрѣ^ѣ же
Хѣмаръ, его же ѹбитъ велерефъ нѣкон елинь. Бгослов же се в вѣти-
истовѣ^ѣ⁷³ полагаеть, тако и семѹ вь трѣ раздѣлаемѹ — вь свѣтноє, вь
прѣпирателное и вь трѣжьствное. ~

Минос и Радаманѹ, рекше,⁷⁴ Дѣви снѹве сѹще, старѣчество при-
ети Ѡ^ѣ⁷⁵ оца — Мино ѹбо еже законополагати добрѣ^ѣ⁷⁶ извѣстнѣ, Ра-
даманѹ же еже сѣдити право. Их же и цвѣтовѹ асфоделскимъ ѹдос-
тонше, сырѣчь ранскимъ, вь них же, рѣше, вь цвѣтовѣхъ мнвгъ нѣ-
кои естѣ асфодѣль, садъ сице именѣемыи, его же вонѣ не зла, нь и
цвѣтъ прикраснѣ, и ко//рѣнь пользѣн. ѹдостоише {в выборке: ѹдостои^ѣ
же⁷⁷} же тѣхъ и полю^ѣ⁷⁸ Илѹсѣвнскоѹ,⁷⁹ сырѣчь земли нѣкоен^ѣ⁸⁰ нерѹши-
мѣи и нетлѣннѣи, именоваше же тако иже ѹ на сѹщи ран, Ѡ Мвнсе-
искѣ^ѣ {в выборке: Мвнсенскѣ^ѣ} наставлени бывше книгъ, и аще в имени ра-
нскомъ разгласише, Илѹсѣвнско того поле и асфоделскы цвѣтъ^ѣ⁸¹ име-
новавше.⁸² Их же, рѣше, по смърти {далее зачеркнуто: тѣмъ} не приети
тѣмѣ, нь блженнѣ островомъ, Илѹсѣвнскомѹ полю, рекше нерѹшимо-
мѹ или Ѡ еже неразрѹшеннымъ вь то^ѣ прѣбывати тѣлесемъ. ~ В спо-
линѣхъ.

Глють,⁸³ тако Кадмосъ вь Фивахъ вивтинскѣ змѣи Делфина зѹбы
възѣ^ѣ, постѣ. Ѡ них же възникоше споллины, мѹжѣе въврѹжени вь
главы даже до стегнѹ. И тако стоеще, борише се и Ѡ дрѹгъ дрѹга вь
единь днь растлеше се. ~

Посланіе Василіево Григорию.⁸⁴ Оумоленъ бѹди съпостратѣ намъ вь
прѣлежечи подвигъ, и съвесѣдовати съ нами къ иже на ны воева-
ющомѹ. Аще во тавиши се тѣкмо, ѹдрѣжиши тогово оустрьмленіе, и
съпомагающѣ вь еже развратити ѡчѣствѣа вещи разрѹшиши, вѣдомо
тѣмъ ѹстроишь, тако самъ тѣ^ѣ⁸⁵ Бжиєю блѣтию иже ѹ на начелствѹеши
съсловнию. И заградиши всака неправедна оуста, иже на Ба глющаа
беззаконіе. ~

⁷³ Доб. рекше в речѣточествѣ.

⁷⁴ их же рѣше елини.

⁷⁵ Нет.

⁷⁶ Нет.

⁷⁷ оудостоише.

⁷⁸ поль.

⁷⁹ Илѹсѣвнскыѹхъ.

⁸⁰ нѣкоторыѹ.

⁸¹ ввоцникѹ.

⁸² нарекше.

⁸³ Приповѣдоютъ во.

⁸⁴ Вместо заголовка глосса: Посланиѹ.

⁸⁵ Доб. и.

Фивеанинь Кратись,⁸⁶ миловотѹ вставивь богатство, възыде на⁸⁷ высоко мѣсто и людь рѣ, тако Кратись свожоаеть Кратита, сырѣчь «самъ себе имѣнии ѡпѣцаю работы». ~

Кінікось Діѡгень Ёнопевсь⁸⁸ посрѣдѣ града въ дѣлавѣ живѣше, да нестежаніе⁸⁹ имать ѹзрокъ имѣнію. ~

Седмь житна чоудеса сна ѹбо⁹⁰ сѣть. Едино ѹбо⁹¹ въ Егѹптѣ Фиве, не по иже въ Еладе седьвратѣхъ, иже ѡ Амфійна и Зиѡа прѣгѹдницею съзавшихъ се, нь сто вратъ стѣны имѹще, добротны и досто-чюдны.

л. 4 об.

Второ⁹² Вавѹлонскы стѣны, их⁹³ же Семирамис ѹстрои ѡ // сквожне планиѡа непогрѣшна, вемѣреніе имѹще стадин триста, широтѹ же стѣны лакть вьсьмьдесеть. ~

Третие иже оу мраморѣ гробь, его же Мавсоль, страны тое вла-стникъ, велика, и различна, и много съврьшена севѣ оустрои. ~

Четврьто пирамиде, зданіа нѣкоа⁹⁴ въ Егѹптѣ, по нѣкой оубо ѡ {далее зачеркнуто: Егѹпта} Іѡсифа въ пшенице приетие всемѹдрѣ⁹⁵ оустроена пирамиды,⁹⁶ рекше пшеничнице {в выборке: пшеничнице} именованные. А по нѣкой же въ гробове селѹ {так!} бывша, быти же⁹⁷ до чесѡго, рѣше, въ Егѹптѣ пирамиды, малы же и великы,⁹⁸ въ чьсть ѡгна съзанные и по ѡномъ, рекше по ѡгни, въ ѡстротѹ ѡ четворѡгліа соврьшенныя. ~

Пето иже въ Рѡдѣ колос, идоль Аполоновъ вѣщи⁹⁹ ѡ встѣхъ, нѣци же рѣше стлпъ быти сего мѣдѣнь зѣлаѡ велми высѡкъ, лакть по Аристотели шестьсь. ~

Над сими же шесто въ мирѣ позорь Капитолиѡнь Римско, и седмо Андріаново стѣлице въ Кізицѣ. ~

Приказьнствѹють¹⁰⁰ бѡгослови еллински, тако вльшьвство оуслыша Кронь, ѡць Діевь, изгнати се црѣтвіа бѡговъ единѣмъ дѣтєи его, погли-таше, елика ражаше емѹ мѹжскаа жена его Реа. Нѣкога¹⁰¹ ѹбо, родив-

⁸⁶ Доб. ѡн бо.

⁸⁷ Доб. трѣвице рекше на.

⁸⁸ Ёнопевсь.

⁸⁹ немѣник.

⁹⁰ же.

⁹¹ Доб. кже.

⁹² Доб. же.

⁹³ а.

⁹⁴ нѣкотораа.

⁹⁵ всепрѣмоудрѣ.

⁹⁶ Доб. и ѡ пира рекше ѡ пшенице.

⁹⁷ Доб. даже.

⁹⁸ Доб. и.

⁹⁹ великъ.

¹⁰⁰ Приказьнословѹють.

¹⁰¹ Когда.

ши Дню и помл̄овавши видѣнїа ра̂ краснаго, Ѹкраде того, и въ Критъ посла, и овѣстави ѡ¹⁰² немь¹⁰³ бѣсѡве нѣкыѣ юноше, гласеще, и плицоуще врѣжїами и тоумпани, и играющее въврѣженми игранїа, еже именуют се Ѡ еллинъ «пирихи», да клопотомь врѣжини възмогѣть съпокрити ѡтрочища б̄гова плачемаго тежкы гла̂. Да некако, Ѹслышавъ съ нѣсе, Кронъ и того поглытитъ. Повивши же Реа, матери его, камникъ въмѣсто рѡженнаго, встави сѡпрѣгѣ своемѣ Кронѣ поглытити его же камена. Поглытивъ тако Дню, извльва и ихъ же прѣже поглыти. Сего же Дню прѣдаде повѣсть ч̄лка нѣкого быти швавника¹⁰⁴ мръска, критѣномь мѣчнѣ//ль, рекше ц̄рь. Въ нѣ же и гробъ его павлает се. И аще еллины¹⁰⁵ мѣдрѣвши неѸгодно снѣ словѣ приемлють, еже по повѣсти, Ѡсилающе, а еже инамо възводимо приемлюще выше реченное, ихъ же Б̄гословъ смѣхоу игралице мѣнїти, вледеще, тако бж̄твѣнаа сила сѣщи Дїа {глосса: Дїа и Зевс едино}, не плакаше тако же Ѡроче тьнкымь нѣкымь г̄лсѡмь, нѣ плачь имаше великъ и даже до нѣсь могоушь проходить.¹⁰⁶ Приповѣст же¹⁰⁷ г̄летъ, тако ками поглыти Кронъ въмѣсто Дїа,¹⁰⁸ Б̄гословъ же г̄летъ, тако же ками поглыти се Дїа Ѡ Крона.

Къ симъ же приказнословѣютъ еллины, тако толико бѣ крѣпко нѣкое ѣство Зевсъ, тако Ѹвѣдѣ снѣ Кронъ, понѣ ками поглытавае жесточество и тврьдость разѣмѣа, паче вѣрова, тако поглыти Дїа. Яко же ками съходими тврьдости ра̂ своистѣвнаго¹⁰⁹ каменѣ ѣства тако ками, прочее рѣ Б̄гословъ, поглыщено быти, за еже тако разѣмѣваше поглытивы тѣ ками Кронъ. Люто во бѣше, да плачет се¹¹⁰ тако ѡтроче малы и тьнкы г̄лсѡмь, толико сѣще велико бога Ѡроче, и тврьдо и тако ками поглыщено Ѡ Крона. Како ли шни можахѣ покрыти толикъ гла̂, до нѣсь възходещъ, клопоты врѣжнїми. ~

Въ Фригїи же¹¹¹ бѣ ст̄тилище Реа, жены Кроновы, въ немъ же твореще праз̄никъ фригїане, Ѡрѣзоваахѣ срамныѣ Ѹды, подражающе {въ выборке: подражающе} и съскръвеще Реа скръви ради, ихъ же имаше¹¹² дѣти ради свой, поглитаемыѣ Ѡ Крона. И писканми пискахѣ, да волѣзнимъ швльгчавают се и да подвижѣт се въ Ѡрѣзанїе Ѹдомъ своимъ, юже пискове дѣахоу нѣщи по Ѹпѣвлени коривантѣ, рекше Ѹтѣшающе Рею. Кориванди же сѣтъ видъ бѣсѡвскы, слѣжеще Реа, и и канрѣсь

¹⁰² ѡколо.

¹⁰³ кго.

¹⁰⁴ Доб. и.

¹⁰⁵ Доб. и.

¹⁰⁶ приходити.

¹⁰⁷ Доб. оубо.

¹⁰⁸ Доб. сты.

¹⁰⁹ Доб. ради.

¹¹⁰ Нет.

¹¹¹ Нет.

¹¹² Вместо этого, начиная от слова скръви: за кже скръвеще скръвию.

нарѣчѣт се. Матер же Бѣговъ, глѣють приказни, Рею Дѣа и братие его, по еже и ѡца боговъ Крона. И бѣхѣ фригѣ съврѣшающе и празднствѣюще таковыѣ¹¹³ страсти и сами слѣжими ѡ нѣ, // рекше страждѣюще и волѣзни тежкыѣ приемлюще. ~

Глѣють, тако Димитриа едина ѡ ветхѣхъ боговъ бѣ и¹¹⁴ роди дѣщерь Персефонию, юже и двѣицѣ глахоу, юже всхыти Плѣть богъ, рекше Адъ. Мѣти же еѣ всѣдѣ тоу ищѣщи, срѣте въ Флевсинѣ мѣстѣ Келевна и Трѣптолѣма. И ѡвѣдѣвши ѡ тѣхъ всхыщенїе дѣщери,¹¹⁵ прѣста скытающи¹¹⁶ се¹¹⁷ и ищѣщи.¹¹⁸ И даде имъ сѣме пшенично и ечменно, поне¹¹⁹ тогда и ещѣ не бѣ¹²⁰ сѣме¹²¹ пшенично¹²² и ечменно.¹²³ И дастъ имъ колесницѣ, зѣмни крилатыми возимѣ и по въздѣхѣ лѣтающе, да съ высѣты, тако приказни мнит се, постѣють по всѣи землѣ сѣмена таа. И сна два навѣ сама на себе Димитриа въ стрѣть, и ѡва ѡбо тѣмъ сама сътвори, рекше даде имъ сѣмена и колесницѣ, ѡва же ѡ нѣ постра,¹²⁴ рекше съблѣди съ нѣма. И прѣдаде имъ праздновати та всегда въ годищи еднѣи еднѣи ноцѣ¹²⁵ въ Флевсинѣ градѣ Аѣнинско¹²⁶ въ нѣкоен пещерѣ, ѡнѣдѣ же бѣхоу тѣи. Юже бо ѡни въ ноци праздновахѣ, тако достоина ноци, азѣ стыжѣ се въ дне повѣствовати и творити безчѣстие празнѣникѣ, за еже сѣ въ празнѣникѣ въспоминати.¹²⁶ Вѣдѣ тѣ сна Бѣгослови еллинци, иже и законъ имахоу мльчати сна къ ненадѣченнымы. Бѣхоу же поистинѣ¹²⁷ и достоина мльчанию стѣда ра¹²⁸ мръзкодѣла. ~

Семелїа, дѣщи Кадма, Фивонскаго цѣра, юже растливъ Зевсъ, сътвори дѣтиннѣ. Завиствовавши же сего жена Ира и пристѣпивши къ Семелїи, прѣльцаваючи тоу, глаше: Аще мниши, тако Зевсъ с тобою прѣвываетъ, прѣльцаваеши се, члкъ во ѣ приходен к тевѣ. И аще хоцѣши ѡвѣдѣти, тако Зевсъ истинно¹²⁸ ѣ, проси, да съ мльнїами¹²⁹ и громови к тевѣ приидеть, тако же и къ Ирѣ мнѣ. Просивши же снѣ ѡ Дѣа Семелїа, прїиде Зевсъ съ мльнїами, тако при-

¹¹³ сиковник.

¹¹⁴ Нет.

¹¹⁵ Доб. и.

¹¹⁶ ѡ заблѣженїи.

¹¹⁷ Нет.

¹¹⁸ скитанїи по всѣи землѣ.

¹¹⁹ тако.

¹²⁰ бѣше.

¹²¹ семена.

¹²² пшенична.

¹²³ кчмѣнна.

¹²⁴ Нет.

¹²⁵ Нет.

¹²⁶ споменовати.

¹²⁷ истиннѣ.

¹²⁸ поистиннѣ.

¹²⁹ мльнїю.

казнь¹³⁰ их¹³¹ глеть, и впади тѣ, не хотѣ. Вскрѣвѣ же, тако вѣ дѣтинна, и¹³² разправь ѣтровоѣ еѣ,¹³³ изеть // ѿроче несъврѣшено сѣще, и л. 7 разрѣзавь свое стегно, положи и сыши. Съврѣшившим же се мѣемь рожѣства, извѣ ѣтровоѣ и Дѣвннса сего¹³⁴ именовѣ. Понашаѣ же¹³⁵ Бѣгословь еллиномь, глеть, тако ѿ на пражнѣемаѣ нѣсть Дѣвнннсь, иже мѣжеженъ вѣ. Кога ѣво творѣ инымь {в выборке: твореннымь}, тако мѣжъ, кога же стражѣ ѿ иннѣ, тако жена. Нижѣ,¹³⁶ тако же дрѣгоици {в выборке: дрѣгогонци} глѣють¹³⁷ рожѣнѣе, роди прѣжѣ глава Дѣва. Глѣютъ во Ѧѣиноу богиноу ѿ главы Дѣви родити се. Зевсъ во¹³⁸ зачѣтъ съзѣди главы въ тилѣ. И еѣа¹³⁹ врѣме принѣе рожѣства,¹⁴⁰ призѣва сѣна своего Ифѣста, тѣ же вѣ ковачъ. И възѣтъ сѣчиво, и ѣдари ѡца своего въ тиль, и ѿтоудѣ роди се Ѧѣина.

Вакхи же нѣци, оупивающе се и вѣсѣеми, ликовѣхъ и воевѣхъ съ Дѣвнннсѣмь. И Ѧивѣнъ пачѣ сего почитѣхѣоу, почитѣюще и мѣвнню, впалившѣхъ сего матеръ Семелию. ~

Глѣють, тако Кронъ вѣста на ѿца своего, глѣмаго Нѣво, и ѿрѣзавь томѣ стѣдннѣ¹⁴¹ оуды, врѣже въ морѣ. Плодь же {в выборке ошибочно на приклеенном листке: прѣжѣ} и привѣрѣтель мѣрскѣ ѡнѣхъ срамнѣ ѣдовъ и ѿрѣзѣннѣ {в выборке ошибочно на приклеенном листке: ѿрѣза оуды} Фродита вѣваѣтъ. И сице оубо та стѣудно роди се, почитѣѣтъ же се {в выборке исправлено на сѣ} пакы стѣудно мѣрскѣ ради смѣшенинн и мѣрскѣ ради тѣиннѣ. ~

Дѣвнннсъ же сѣнитн въ Ѧдѣ въжѣлѣвъ, не вѣдѣше поутн. Юноша же нѣкто, Просѣмносъ зовомь,¹⁴² вѣѣща¹⁴³ емѣ рецн поутѣ на мѣзѣ влоудѣ. ѡнъ же дѣти себѣ ѡномѣ завѣщаѣѣтъ, аѣе възѣратн се ѿтоудѣ. Възѣратнвъ же се¹⁴⁴ и не вѣрѣтъ Просѣмнѣ (оумрѣтъ во), вѣтѣвъ смѣковнѣ ѿсѣкъ и оустроивъ пѣвнѣ срамнѣ мѣжска ѣда и сѣдѣѣтъ на вѣтѣвѣ. И тако съврѣшаѣтъ мѣртѣвомѣ завѣщѣннѣ. Въ вѣспомнѣннѣе же ѣво сѣн стѣрѣтн творѣхъ въ коѣмѣждѣ градѣ члѣци Дѣвннннсъ фѣли.

130 приказныхъ.

131 Нет.

132 Нет.

133 Доб. и.

134 Нет.

135 Доб. оубо.

136 Доб. ѣ стегно Дѣво, волѣзноююще кн ражающе Дѣвннннсъ кѣе несъврѣшеноу рогѣвннѣ.

137 Нет.

138 Нет.

139 Нет.

140 родити и.

141 срамннѣ.

142 именовѣ.

143 вѣѣщаѣѣтъ се.

144 Доб. оубо.

Фали же сѣтъ¹⁴⁵ пѣвнѣ мѣжска срамна ѡда,¹⁴⁶ тоже¹⁴⁷ и ѡнфали глѣют се, за еже¹⁴⁸ // пѣвнѣ вышерѣнное правѣ горѣ полагахѣ и сѣдахѣ връхѣ. ~

Еллиномъ оустръмльшимъ се на Трою и въ нѣкомъ мѣстѣ Навлидѣ {так!} събравшимъ се влизь Виѡтне, рекше прѣдѣла нѣкоего,¹⁴⁹ неплаваниѣ кораблѣ ѡ Артемиди бы и ѡдрѣжа се всако воинство. Вина же такового ѡгневленіа за еже Агамемнонь кошѣтѣ ѡстрѣливъ въ ловитвѣ, похвали се, рекъ,¹⁵⁰ тако ни сама Артемида ѡстрѣлила би тоу тако. И¹⁵¹ поне¹⁵² ѡдрѣжа се плаваніе, чарствовавшѣ и ѡслышашѣ, тако аще не дѣщерню своєю Агамемнонь Артемида ѡмолить, не бѣдетъ разрѣшеніе злѣ. Повинѣет се оубо Агамемнонь и приводитъ свою дѣщеръ Ифигению Артемидаѣ. Артемида же Ифигению всхыщаеть и въ таври посилаеть. Таури же еззыкѣ сѣверныѣ страны и скѣтскыѣ, въ немъ же и сѣтилище Артемидино. Даст же Артемида кошѣтѣ вмѣсто дѣвице на закланіе. Ифигеніа же въ таврѣ бы слѣжителница Артемидаѣ и тѣжнѣ еллины оубивашѣ {в выборке ошибочно на приклеенном листке: оубиваютъ} все {в выборке ошибочно на приклеенном листке: вса}. ~

И лакони^{*} почитающе Артемиду, празникъ твораахѣ¹⁵³ еи.¹⁵⁴ Въ немъ же юноше и ѡранѡхѣ сами себе и стрѣжахѣ, ѡбагревающе крѣвми своими¹⁵⁵ сѣтилище,¹⁵⁶ и ѡвѣчавахѣ¹⁵⁷ се въ рана, да ѡ¹⁵⁸ сѣ¹⁵⁹ неврѣгѣтъ¹⁶⁰ въ ранѣхѣ.¹⁶¹ И тако тои ѡгажахѣ тако мѣжсѣтвнѣшии и не пѣпадшѡи рачителю, дѣвѣстѣвница бо бѣ. Сѣи ѡбо по иномъ доврѣ крѣплахѣ се трѣпѣливи сѣще въ волѣзнѣхѣ и ратнѣши, снѣ же тѣкмо злѣ мѣжахѣ се, тако сѣетнѣ ѡ дръгъ дръга ѡранѡхѣ се, тако же ѡ ратникъ, и за еже сѣмъ дѣломъ ѡгажати бѣ непцевехѣ. И бесѣднѣ¹⁶² съвлачевахѣ се лаконе и сѣце тавѣ оуранѡхѣ се, таковъ же

¹⁴⁵ ѡно.

¹⁴⁶ Доб. кже створи Диѡнись, кгда възврати се ѡ Ада, и не ѡврѣте Просемна, и створи ѡ смокви дрѣво.

¹⁴⁷ Доб. же.

¹⁴⁸ Доб. то.

¹⁴⁹ Доб. и.

¹⁵⁰ Нет.

¹⁵¹ Нет.

¹⁵² Доб. же.

¹⁵³ чинахѣ.

¹⁵⁴ тои.

¹⁵⁵ Нет.

¹⁵⁶ Доб. мѡжсѣтвнѣ твореце се.

¹⁵⁷ ѡвнѡцѣ.

¹⁵⁸ Нет.

¹⁵⁹ Нет.

¹⁶⁰ Доб. и кже.

¹⁶¹ Доб. ѡ ранахѣ.

¹⁶² нестоуднѣ.

вбнаженіе стѹдно бѣ двѣце.¹⁶³ И двѣтен желаніе ѿ тѣхъ почиташе се. И стѹднаа твореще и таажѣ¹⁶⁴ страждѹще. ~

Тандалъ, снъ Діѡвъ, глѹть быти,¹⁶⁵ тако гости нѣкогда¹⁶⁶ боге, и заклавъ // снѡ своего¹⁶⁷ Пелопа и испекъ, прѣстави тѣмъ. Божи же по-дививше се странюлювию его, сложише Пелопа и вживише того паку. л. 6 Ёдина же Димитра изедши рамо его, вьмѣсто же¹⁶⁸ изеденное¹⁶⁹ рамо¹⁷⁰ кость ѿ слона положише. Сего¹⁷¹ ради иже ѿ¹⁷² Пелопа съходе-щеи по родѹ Пелопиде¹⁷³ имають рамо слоновъ и¹⁷⁴ поклоняют¹⁷⁵ се.¹⁷⁶ Трї ѹбо зѡдѣ понашаетъ имь¹⁷⁷ Бгословъ: алканне боговъ, тако непод-но,¹⁷⁸ странюлюбие Тандаловъ {в выборке: Тандановъ}, тако безчлчно,¹⁷⁹ приетие боговъ таковые снѣды, тако члконенавистливи. ~

Скатѹ богыню лѹнѹ быти нѣцы глѹть. Ини Скатѹ глѹть богыню быти, вь ноци ходещѹ колесницѹ, [с]ь львовы {в выборке: лововы} гѡже-щѹ. И бѣхѹ змїе, и змеєве, и члци нѣци, прѣвелици и змеѡглавне, мьчтанїа страшлива¹⁸⁰ гавлающе в колесници. И видещеи бѣсни вывахѹ. ~

Трофонне же вльховъ любочьстивъ бѣ. Вьжелѣ богъ непщевати се ѿ члкъ и вь пещерѣ подѣземьной затворивъ себе, сконча се. Да не верѣтаемъ, на нѡво вьзмнит се вьсхыти се. Бѣс же вьселив се вь пещерѹ, прѣльщаваше члкъ, тако самъ тѣ ѣ Трофонїе, и вльшьествова-ше того рѡ. И вь пещерѹ приходеще, члци преимахоѹ вльшьество, не-смѣхливи же и поникли ѿтоли вывахоѹ¹⁸¹ ѿ страха бѣса, иже тамо сѹща.¹⁸² ~

Вь градѣ Додонни дѹбъ бѣ великъ и прѣкрасьнь, бѣсь же живе вь не, глати того створи и вльшьествовати. ~

¹⁶³ Доб. Аще оубо уни лаконе богыню Артемидоѹ непщевѡахоѹ члвколюбивоѹ гавѣ, како кръвми тои оугажаахоѹ? Аще ли же и двцоѹ, како вбнажеваахоѹ се вьзчьстнѣ? Тїи бо и скврьнительство влоѹда почтоше, празноѹюще чрѣвовь-гденник, вь нихъ же сластоустрасник имахоѹ.

¹⁶⁴ Нет.

¹⁶⁵ Нет.

¹⁶⁶ когда.

¹⁶⁷ Нет.

¹⁶⁸ много.

¹⁶⁹ изѣдениа.

¹⁷⁰ Нет.

¹⁷¹ и того.

¹⁷² Доб. того.

¹⁷³ Пелопиганк (по затертому).

¹⁷⁴ Нет.

¹⁷⁵ Нет.

¹⁷⁶ Нет.

¹⁷⁷ Нет.

¹⁷⁸ Доб. и неприкладно, кже.

¹⁷⁹ Доб. и кже.

¹⁸⁰ оустрашлива.

¹⁸¹ Доб. иже тамо вьхождахоѹ.

¹⁸² Нет.

Въ Делфинѣхъ же бѣ градъ Бладинь, идѣ же бѣ храмъ Аполоновъ, и въ храмѣ бѣ столь мѣдѣнь триногъ, чашѣ мѣдѣнѣ носе съврьхѣ.¹⁸³ Посрѣѣ же сее чаше стрѣгла мѣдѣна стоаше проврьтена, ѿ нее же исхожахѣ вльшьства. «Ухыщреніа» же сна Бгословъ наре, за є прѣльщавахѣ се¹⁸⁴ слышещен.¹⁸⁵ ~

Касталіа¹⁸⁶ источникъ¹⁸⁷ є во Антііухіи, съ клопотѣ съходе и дѣхомь. ѿ него же пиющен вльшьествовахѣ бѣсѣвскимь дѣнствомь, сна же вльшьествіа ѡ ині¹⁸⁸ нѣкой вльшьествовахѣ. // Единѣ¹⁸⁹ же се не вльшьествовахѣ, іако силою Хвою ѡмькнѣти хо[тѣть].

{Начало зачеркнуто: Халдеи же}. Бззыкь мидскы вльхви. Бы, жртвѣюще жив[отнага], просѣцахѣ сна и ѿ ѣтровъ, и ѿ дарани крови, и ѿ како стоа[ниа въ] нѣтрннѣ бѣдѣцаа назнаменованѣхѣ. ~

Халдеи же ѡ звѣздослови оупражняхѣ се и ѡ роженослови, є[же] бываєть ѡ роженны члчкы и движени звѣздъ ѡно звѣзд[осло]віє. И таковы¹⁹⁰ движеніємь ѣчахѣ ползевати живѡть члч[скы].¹⁹¹ Сна възвѣщають и глѡть, иже не вѣ[ѣ]тъ себе, кто сѣтъ или чт[ѣ] за[ѣ]тра вѣдѣтъ. Ихъ же нарѣгає Исана глѣть: «Станите и спсєт[ѣ, звѣ]здословници нѣны зрещєи, звѣзды да рекѣтъ, что хоцєть быт[и]» {Ис. 47, 13}.¹⁹²

Изначєла ѣракіанє єже ѡ бѣзѣхъ вѣрованіє ѡмыслише, таи[нн]ствіа] же и трѣвы Ворфєвс¹⁹³ прѣдає. Бго же глѡть цѣвнич[ника соуца], и цєвницею поюща, привлачити¹⁹⁴ и подвизати ѣво бездѣшнаа, [и оупи]томлѣати дивіа. Мню, ѡбразє члчкь гавлають сна, и єж[є]¹⁹⁵ оубо] каменные бездѣшны нартычѣтъ, жестокие¹⁹⁶ же¹⁹⁷ дивіє. [Ихъ же всѣ]хъ влѣчашє цєвницею ѣракіанинъ Ворфєи, іако же [глѣть приказнѣ], кь весєлию и кротости. ~

Миѣрѣ глѡть перси сльнце, вы[вахоу] же семѣ сльнцѣ празнїци, и пачє ѿ халдеи. Празнѣющеи же [том]лѣахѣ се томлєнми два на десєтєыми, рекше гладємь, горє[никь] ѿ блнца, стѣудєностию и таковѣми инѣми ранами. «Правд[ивоу же] сию мѣкѣ» Бгословъ Мифринѣ имено-

183 Доб. и тоу.

184 Нет.

185 слышещєихъ.

186 Доб. же.

187 Доб. нѣкаковъ.

188 нѣхъ.

189 тѣкмо.

190 сиковимь.

191 члчкь и.

192 принти.

193 Доб. сна.

194 влѣщи.

195 иже.

196 жестокихъ.

197 єже.

ва, тако достоини сице [тѣи] стрѣти, да възмъздые прѣлсти ѿ самѣхъ тѣхъ почитаемы при[имоутъ].

Егѣптськаа приказнь глеть, тако Усиридь и Тифось, брат[ь его], бѣхъ съпротивни вози. И ѹбо Усиридь имаше всакъ добродѣ[тель], Тифос же всакъ злобъ, и ѹби Тифось Усирида. Сию стрѣт п[ра]зѣнюще, егѣптѣне стрѣждътъ, и ѹраняютъ себе, и плачутъ[ь в] чьсть погыбѣли Усиридови. Бѣхъ же сѣи снове црци и црце. {окончание л. 6 об.}

[Повѣсть же ѡ Исидѣ сиковаа. Зевьсь възелѣ двѣце нѣкок Исиды, и Ина нарицаемыя, и въ краюу тоу прѣложи, хотен оутанти се жены свои Ире. Ира же оувѣвши и завиствовавши, выложи въ тоу ражеженни, и хожаше, завлоужающѣи, по всои земли.

Мендисик же к градъ Егѣптскыи, въ нем же богъ козль почиташе се. Мендисикане же почитаху козлове вещь ѿ себе, тако боге, и празѣнике твораху тѣмъ.

Мемфити же почитаху юнца, и Апида того именующе, гасли томоу твореще, питаху юго и, жрѣтвы приносеще, тръжьствоваху. Знаменна же нѣкаа и различнаа имаше Апидъ о шпашн и ѡ кзыцѣ. И кѣа таковыи въ чрѣдѣ ражаше се, аликъ въ освещенник гасли прикмакт се ѿ нихъ.

Степенны каменныи истроуганѣи при врѣгоу бѣху рѣкы Нила, лакты именуемыи. Сиѣ назирахъ егѣптѣны въ врѣме, еѣа прѣоумножаше се вода. И аще даже до сикго степенна или шного възсхождаше вода, назнаменовану таково оумноженни плодовъ или таково. Мнѣху же мѣрити и оузнавати оумноженни плодовъ лактми. Ини же глѣють не степени быти, нь стльпъ, въ нем же лакти мѣретѣи днь егѣптѣне воды, даже до зѣа или до шндѣ възсхоженни.

Паки же почитающе и Нила и виноу томоу приносеще блгоплодныихъ множество, тако богоу, празѣноваху въ моужеженахъ блужденѣи. Уставлаю бо реци, тако и таже безъчьстнѣшата и хѣдѣшата животнаа и прѣсмыкамаа прочитаху, рекше лисове, и скорпикъ, и змиѣ, и показоваху ѡ стоудѣ много богащенни. И шсовьнь оубо бѣ комоужо сихъ празѣникъ, злобѣшеник же шще всѣхъ. Въ кдиноу бо главизноу възводит се вса, въ нечьстниѣи оугожденни дѣвола.]